
СОБРАНИЕ КУЛЬТОВОЙ МИСТИКИ

СЕРГЕЙ ДУБЯНСКИЙ

КИРИЛЛ И ЯН

Сергей Дубянский

Кирилл и Ян

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24120982

ISBN 9785448518492

Аннотация

То, что всё в жизни человека логично, как правило, познаётся им лишь в конце этой самой жизни, а до того она кажется необъяснимо мистической штукой, и, если есть в ней логика, то в каждом конкретном случае своя: «Мужская логика», «Женская логика», «Семейная логика», детская логика («Закон цикличности»). Даже у творчества своя логика («История болезни»), а самая главная – это логика внутренних противоречий («Кирилл и Ян»).

Содержание

Кирилл и Ян	5
Из Цикла «Логики»	105
Мужская логика	105
Конец ознакомительного фрагмента.	151

Кирилл и Ян

Сергей Дубянский

Дизайнер обложки Игорь Владимирович Петропавловский

© Сергей Дубянский, 2017

© Игорь Владимирович Петропавловский, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-1849-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кирилл и Ян

Ян уже час стоял в коридоре вагона, наблюдая за мельканьем голых деревьев, серыми облаками на сером небе и огромными грязными лужами, застывшими в блестящей жирной глине; лужи соединялись «каналами». Ян не представлял, какой транспорт, кроме могучего «Кировца», мог решиться тут проехать, но колея явно принадлежала не трактору.

...Может, это «землеход» инопланетян? По типу нашего лунохода, – подумал он в шутку, но поскольку в каждой шутке есть только доля шутки, спохватился, – лучше не надо. Если они увидят весь наш бардак, то просто уничтожат эту страну раньше, чем она загорится сама – чтоб другим неповадно было...

Мимо прошла толстая проводница, и Яну пришлось прогнуться, коснувшись холодного влажного стекла. Это вернуло от глобальных проблем к сиюминутной реальности, и он заметил, как недовольно взглянула на него девушка в голубом фартучке, следовавшая за проводницей – она уже третий раз проходила мимо с салатами и похожими на раздавленных мышей, серыми котлетами. Наверняка ей было не понятно, чего человеку не сидится в купе, на мягком диване. ... *Но не буду ж я объяснять всем и каждому, что органически не выношу запах грязных носков! Все равно ведь не поймут –*

для них это нормально. Чертов Славик!.. (они познакомились еще до того, как сосед снял туфли) Неужто сам не чувствует?.. Хотя чувствует, иначе б не убрал их на ночь в пакет – охрененно благородный жест!.. Впрочем, здесь во всем так – все делают вид, что хотят, как лучше, а получается...

Ян обернулся – Славик преспокойно разгадывал кроссворд, а напротив сидела девушка с издевательски символическим именем Виктория и ела салат из пластиковой тарелки.

...Я находиться там не могу, а она ест! Во истину, победа всеобщего быдлизма!.. – Ян снова отвернулся, хотя и пейзаж за окном в точности соответствовал его настроению.

– Ян! – раздался голос Славика, – слышь!

– Что? – при этом Ян не обернулся, хотя обычно на это второе, придуманное имя, всегда реагировал быстрее и охотнее, чем на первое, которое значилось в паспорте.

Первое имя знала лишь мать, жившая в тысяче километров от Москвы; университетские приятели, с которыми Кирилл практически не общался, и главный редактор, сам заинтересованный в сохранении тайны. Конечно, были еще всякие администраторы гостиниц, вокзальные кассиры, гаишники, но они не знали второго имени, и для них он являлся обычным клиентом, а не корреспондентом популярного столичного еженедельника. Вторым именем он подписывал репортажи, им представлялся, по нему его знали – Ян Борецкий! Это ж совсем не то, что тяжеловесно корявое – Кирилл

Колодин.

– ...Ян, столица Турции ведь Стамбул? А тут не подходит.

– Анкара, Славик. Это в пятом классе проходят...

Творческий псевдоним возник сам собой – имя Кириллу нравилось давно, а фамилия прилепилась, вроде, случайно, но тут же обрела глубинный смысл. Во-первых, она прекрасно сочеталась с именем по национальному признаку, что немаловажно для восприятия образа. Во-вторых, у основной, наиболее тупой части публики, она ассоциировалась с некоей борьбой (журналист ведь непременно с чем-то борется, кого-то клеймит, раскрывает ужасные тайны), а у более просвещенных протягивала ниточку к мятежной Марфе Посаднице, в незапамятные времена сражавшейся за отдаление Великого Новгорода от Москвы и за подчинение его полякам. Получилась вполне органичная «польская линия», хотя в самой Польше он никогда не бывал, да особо и не рвался – не та это страна, где ему хотелось бы жить. Его больше привлекала Австрия; особенно, сказочный городок Зальцбург, втиснувшийся среди Альп, родина великого Моцарта.

...За каким хреном я еду?.. В Выхино вчера строительный рынок полыхнул – пиши-не хочу, а тут буду выворачиваться наизнанку... было б перед кем! Перед дегенератами, которые не знают столицу Турции? Они ж и читать не умеют, а ищут знакомые буквы! А сейчас еще подрастет поколение, возвращенное на ЕГЭ – во, будет закат цивилизации... – Ян

проводил взглядом заброшенный хутор, отделенный от дремучего леса полуразвалившимся забором. Мысль замерла, так как ее развитие неминуемо толкало в бездонную черную пропасть.

Обычно, на время командировок, Кирилл, сохранивший за собой крохотную комнатку в уголке сознания, спал, даже не напоминая о себе, но поскольку сейчас работа еще не началась, он решил подать голос:

– ...Зато какой здесь народ! Допустим, не везет ему с правителями, а он все-таки выживает и будет выживать. Вспомни, к примеру, прошлый год...

И Ян вспомнил. Вспомнил затопленные дома, плавающую мебель, торчащую из воды кабину КамАЗа; но самое жуткое впечатление оставила вздувшаяся туша коровы, дрейфовавшая вдоль столбов, обозначающих скрытую водной гладью дорогу. Еще Ян помнил лихих ребят из МЧС (собственно, сейчас он и ехал к ним); вместе они тогда искали укрывшихся на крышах и чердаках людей, которые стерегли свое добро от мародеров. Ян сделал тогда материал об этом катастрофическом паводке, определив главной героиней бабушку, чудом втащившую на крышу козу и объявившую, что не бросит «кормилицу», и, если «Богу так угодно», умрет вместе с ней. Репортаж получился настолько пронзительным, что после его публикации в области началась проверка, и один из вице-губернаторов даже лишился кресла.

– И что? — Ян презрительно посмотрел на «соседа по те-

лу», но поскольку ему было скучно, снизошел до более обстоятельной беседы, – героизм нужен там, где нет профессионализма, а у нас его нет нигде; потому Россия – страна героев. Великая победа, твою мать, сняли вице-губернатора! Так на его место поставят такого же – это ущербная сама вертикаль власти... Ты тут народом восторгаешься, а если вдуматься – когда козы и шмотки ценятся дороже собственной жизни, это что? А я скажу – это уже извращенное сознание!..

– Насчет вещей, согласен, а, вот, бабку с козой, я понимаю, – Кирилл вспомнил, как пацаном кинулся на здоровенного пса, спасая котенка, но делиться своими воспоминаниями не стал, представляя реакцию «соседа»; он молча закрыл дверь в свою комнату, и Ян с радостью вернулся в день сегодняшний. Правда, радоваться было особо нечему – командировочное задание выглядело абсолютно бесперспективным, из раздела «По следам наших выступлений».

...Да ни хрена там не изменилось!.. Ян привстал на цыпочки, сделал пяток едва заметных наклонов, потому что поясница затекла от долгого стояния, но нюхать грязные носки было намного хуже.

– Ян! – снова донеслось из купе, – первый президент США, демократ! Ни Линкольн, ни Вашингтон почему-то не подходят!

– Они и не подойдут – при них еще никаких партий не было. А первый демократ – это Кливленд.

– Блин, точно! Откуда ты все знаешь?

– В школе хорошо учился, – пошутил Ян, но и с юмором у Славика оказалось неважно; он удивленно отложил ручку.

– Я, блин, академию закончил, и то не знаю!

...Представляю, какая академия в твоём Мухосранске, –

Ян усмехнулся, – *тебе б мой диплом показать – ты б только на «Вы» разговаривал...* – но промолчал – он давно отучил себя заниматься «метанием бисера перед свиньями».

На смену деревьям пришли серые, еще не просохшие под нежарким весенним солнцем, домики; потом они стали подрастать, делаясь благообразными и отгораживаясь каменными заборами; следы «землеходов» стали гуще, появились люди, магазины. Это начинался город, который за прошедший год успел смешаться с десятком других, точно таких же, превратившись в безликое нагромождение строений.

Вернее, нет, кое-что Ян помнил конкретно – например, загаженный голубями памятник Ленину на пустой площади, новенькое здание МЧС с развевающимися флагами у входа; кафе, где было вполне приемлемое пиво, но «резиновая» пицца.

...Сейчас поговорю с МЧСниками... хотя что они мне скажут, если в этом году особого паводка не было? Что все у них теперь хорошо? Так в России все всегда хорошо, пока где-нибудь не случится катаклизм – тогда сразу кидаются все проверять, и везде оказывается плохо... ну, страна у нас такая – сплошных авралов и «компаний по борьбе...»

Интересно, бабка с козой жива?.. Да, пожалуйста, для начала съездим к ней, а дальше, посмотрим. Что-нибудь накروпаю, коль уж за это платят. Собственно, для чего мы живем? Чтоб зарабатывать в трудах и тратить в удовольствиях...

Поезд вкатился на перрон и тяжело вздохнув, замер. В тишине возникли голоса, шаги, зашуршали пакеты. Ян никуда не спешил, поэтому вышел одним из последних, когда бурный людской поток уже перетек в город через новенькие кованые ворота; двигаясь по течению изрядно обмелевшего «ручейка», он вышел точно к стоянке такси.

– Мужики, в МЧС кто-нибудь кинет?

– Садись, – пожилой мужчина распахнул дверь, – две сотни.

...Все же в провинции есть своя прелесть, — Ян аккуратно пристроил на колени выдавший виды кофр, – в Москве за две сотни разговаривать не будут, а здесь дверь открывают!..

– А правда, что Москва полдня стоит в пробках или врут, как всегда? Типа, чтоб мы тут на жизнь не шибко жаловались? – спросил вдруг таксист, останавливаясь у светофора.

– Не, в этом не врут, – Ян усмехнулся, – слушай, а с чего ты решил, что я – москвич?

– Есть в вас во всех что-то такое.

...Есть, – мысленно согласился Ян, – иллюзий у нас меньше. Только внешне-то как это проявляется? Одедся, вроде,

по-вашему... – Ян отвернулся к окну, разглядывая облезлые четырехэтажные здания, явно построенные еще до войны. Горожане наверняка гордились «старинным» обликом главной улицы, а Ян чувствовал, что не смог бы прожить здесь и месяца – эти неторопливо двигавшиеся пешеходы; автомобили, степенно ползшие четко двумя рядами; витрины магазинов, сохранившие неформат начала перестройки – настоящее сонное царство. ...*А меня никто, слава богу, и не зовет сюда жить...*

– В этом году разлив сильный был? – спросил он.

– Да так, – водитель пожал плечами, – снега почти не было, и весна затяжная. Вот, в прошлом году, да! У меня сестра в районе живет, так их чуть не смыло. Такое было в шестидесятом – я пацаном еще бегал, но помню.

– Кстати, а при социализме как с паводками боролись?

– Да никак, – водитель усмехнулся, – кому мы нужны, хоть тогда, хоть сейчас? Ту же сестру взять – обещали, и компенсацию за имущество, и дом из бюджета отремонтировать, а в итоге, как вернулась в полузатопленную халупу, так и живет. Газ обещали подвести по какому-то национальному проекту, так дотащили до поселка, а дальше, говорят, за свои бабки – шестьдесят штук с двора и пользуйтесь благами цивилизации. А откуда в деревне шестьдесят тысяч? Даже если дом продать и жить на газовой трубе, все равно не хватит. Вы ж этого не знаете в своей Москве. Я читал, у вас квадратный метр стоит сто пятьдесят тысяч, а у нас мерило – «про-

довольственная корзина»; типа, сколько хлеба и картошки человек может себе позволить сожрать в месяц!..

Водитель замолчал, поняв, что отправляет претензии не по адресу, и Ян решил не продолжать тему – зачем объяснять какому-то таксисту, что ждет эту страну в обозримом будущем? Кто он такой? Его дело – крутить баранку.

...А помнишь, нашу коммуналку с сортиром в конце коридора? А как мать, ни свет, ни заря, бегала занимать очередь за молоком?.. Вот было жуткое время!.. – напомнил Кирилл, – *а сейчас все класс...*

Вступать в полемику о том, что лучше – наше настоящее или наше прошлое, Яну не хотелось, и он предпочел возобновить беседу с таксистом.

– Думаешь, в Москве живут одни олигархи? – спросил он, – там есть и свои нищие, и своя «продовольственная корзина».

– Ой, да бросьте вы! – таксист, похоже, всех москвичей считал олигархами, и дальше они снова ехали молча.

Когда показалось здание цирка с плоской скошенной крышей и рекламными щитами на фасаде, а напротив белые флаги с «розой ветров», Ян узнал это место и попросил:

– Останови.

Такси лихо тормознуло у входа, но едва Ян вышел, поспешно отъехало, потому что к нему сразу направился суровый человек в серой форме. *...Блин, конечно, а вдруг генерал подкатит на своем «мерине»? У нас же все для блага наро-*

да, — ехидно подумал Ян, поправляя на плече кофр.

Помпезно отделанный холл МЧС ничуть не изменился, даже телефон стоял на том же столике, и достав визитку, полученную в прошлом году, Ян набрал внутренний номер.

— Добрый день. Капитана Орехова можно услышать?

— Он на ликвидации. Должен быть к концу недели, — со-общил женский голос.

— А... — Ян напряг память, — лейтенант еще у вас есть; не помню, как зовут — молодой такой, высокий, красивый.

— Знаете, сколько у нас красивых высоких лейтенантов? — вздохнув, девушка положила трубку.

...Похоже, ей, бедной, лейтенанта не досталось, — Ян вышел на улицу, — вообще, классный расклад. И что — до конца недели торчат в этой дыре? Да и было б ради чего!.. Значит, работаем по стандартной схеме — зря только приехал...

— Извините, — он остановил шедшую мимо женщину, — а где здесь Администрация области?

Женщина, видимо, не признала в нем москвича, и посмотрела с подозрением, как на потенциального террориста.

— Вон, за угол повернете и метров триста.

— Спасибо, — снова поправив кофр, Ян отправился за угол.

Чтоб сляпать материал по «стандартной схеме», действительно, не требовалось покидать редакции, а достаточно было вдумчиво покопаться на сайте Администрации, потом найти «тревожные сигналы» и «сердечные благодарности»,

творчески все это перемолоть в словесный винегрет, который приправить выводами, зависящими исключительно от отношений центральных властей к властям данного региона. Но Ян был принципиальным противником подобной работы, считая, что она допустима в ежедневной газете, призванной лишь доносить информацию, а никак не в еженедельнике, где люди ищут анализ событий, какие-то неизвестные, как правило, пикантные подробности. Потому он и хотел прокатиться с Костей Ореховым по местам их прошлогодней «боевой славы». ...*Блин, как же называлась деревня-то? Бредихино?.. Бредякино?.. Синдякино?.. Ладно, гляну потом в ноутбук...*

Впереди возникла площадь с Лениным, по случаю подготовки к майским праздникам, отмытым от голубинового дерьма. На фоне прочих, здание Администрации смотрелось очень солидно, но для того, кто, как свои пять пальцев, знал Дом Правительства РФ, выглядело сараем, облицованным старой пожелтевшей плиткой. Ян поднялся на высокое крыльцо и миновав неработающий металлоискатель, сразу направился к телефону; нашел по списку нужный номер.

– Добрый день, – голос в трубке оказался гораздо приятнее и приветливей, чем в МЧС.

– Девушка, а кто у вас мог бы встретиться с прессой? – Ян назвал издание и фамилию. Фамилия, конечно, вряд ли, а, вот, название еженедельника определенно произвело впечатление.

– Что вас интересует?

– В прошлом году я был здесь во время паводка, когда целые деревни смывало...

– Ой, да мы уж и забыли этот кошмар, – перебила трубка, – все давно восстановили, людям компенсации выплатили...

– Кто б сомневался, – усмехнулся Ян, вспомнив родственницу таксиста, но девушка не почувствовала издевки.

– Хотите, сделаю подборку документов? – предложила она.

– Хочу, – Ян уселся рядом с женщиной, судя по выражению лица, пришедшей на кого-то жаловаться. Можно было б, конечно, разговорить ее и выудить какую-никакую темку, но мысль возникла совсем другая: *...Как же так получилось? Маринка вчера днем звонила, и ей сказали, что Орехов на месте. То есть, он уехал сегодня утром? Не, я понимаю – ликвидация, но неужели не могли отправить кого-нибудь из «высоких красивых лейтенантов»? Что такое, не везет, и как с ним бороться...*

– Кто здесь Борецкий?

Ян вскинул голову и увидел длинноногую девицу в мини, с распущенными русыми волосами. Вопрос звучал, по меньшей мере, глупо, если учесть, что, кроме полицейского на вахте, «жалобщицы» и Яна, в холле не было никого. Но Ян являлся гостем, и приходилось играть по принятым здесь правилам.

– Я, – поднявшись, он протянул «корочку». Девица мель-

ком взглянула в нее и улыбнулась. Вообще, выглядела она не в меру сексуально для сотрудницы администрации. ...*Пожоже, понятие дресс-кода сюда еще не дошло, – решил Ян, – если б у нас так одевались, я б реально жил во всех префектурах по очереди!..*

– Пожалуйста, – девица подала диск, – здесь Решения областной Думы, Постановления...

– Спасибо, – Ян сунул диск в кофр, – а как вас зовут?

– Алена.

– Звучит красиво. Так вот, Алена, вы ж понимаете – любой официоз я мог бы получить и в Москве. Мне интересно, чтоб вы что-нибудь дополнили лично – то, чего нет в этих победных реляциях; мы ж оба знаем им цену. Поэтому предлагаю любое кафе, на ваш выбор.

– А если у меня, например, есть жених? Ну так, между прочим, – она хитро прищурилась, но Яна никогда не пугали даже мужья, а уж, тем более, женихи.

– Очень верно подмечено.

– Что именно? – удивилась Алена.

– То, что жених – это «между прочим», – Ян взял ее руку, – я, честное слово, не собираюсь претендовать на сие почетное место. Так что, Ален? Куда идем?

В этот момент, совсем некстати, появился солидный мужчина в очках, перед которым полисмен принял подобие стойки «смирно». Алена резко высвободила руку, но Большой Начальник проследовал мимо, даже не взглянув ни на кого,

и скрылся внутри здания.

– Если, конечно, вы не удовлетворены информацией... – продолжала девушка, видимо, успев обдумать предложение.

Яна так и подмывало сказать, что его трудно удовлетворить с помощью CD, но вместо этого обворожительно улыбнулся.

– Да, не удовлетворен. И могу с чистой совестью написать, что местные бюрократы, вместо откровенной беседы, формально сунули мне дутый отчет о, якобы, проделанной работе. Так что, Аленушка, в ваших руках доброе имя области.

– Давайте вечером, в семь; здесь, у входа, – словно боясь передумать, девушка поспешила скрыться под защитой полисмена с тощей, явно пустой кобурой, но все-таки оглянулась, прежде чем, стуча каблучками, раствориться в длинном коридоре. Ян некоторое время наблюдал за призывно двигавшимися под узкой юбкой ягодицами и белой блузкой, сквозь которую просвечивала еще более белая полоска бюстгальтера. ...*Теперь можно сидеть тут и до конца недели*, — решил он, — *по крайней мере, пополню коллекцию...* Правда, «музейные стеллажи» без того ломились от «экспонатов», но тут уж сработала привычка – вечер не должен пропадать бездарно.

– ...*Она хорошенькая*, – заметил Кирилл, молчавший все время, пока речь шла о работе.

– *А ты знаешь у меня хоть одного «крокодила»?* – Ян усмехнулся, – *это только ты мог с очкастой Ирккой из де-*

вятого «Б» сосаться по подъездам...

Кирилл униженно замолчал, и Ян, довольный собой, вышел на крыльцо. Протянутой рукой Ленин указывал на сквер по другую сторону площади, и Ян направился туда, чтоб взглянуть на содержимое диска – вдруг там не хватит материала даже на «стандартную схему».

Пройдя мимо укрытого с прошлой осени фонтана, он устроился на скамейке и достал ноутбук. На диске, действительно, оказалась масса обещанных документов, но их сухие строчки не впечатляли. По ним все, естественно, выглядело красиво, но Ян-то уже привык, что, чем красивее отчеты, тем меньше в них правды. Он уставился на мертвый фонтан.

...Все-таки не мешало б смотаться к бабке с козой, чтоб оживить всю эту ахинею, – посмотрел на диск, вылезший из ноутбука, – точно, деревня Бредихино! – Ян реально увидел синюю табличку на торчащем из воды бетонном столбике, – как у нас на факультете говорили – «Трое суток шагать, трое суток не спать ради нескольких строчек в газете...» Или выражаясь современным языком – бешеной собаке семь верст не крюк...

– А как же планы на вечер? Ты что, хочешь пробросить такую девушку? – испугался Кирилл, – что тебе далась та бабка с козой? Напиши, что она жива... или не жива – проверить-то никто не будет!

– Да не могу я это написать, потому что – профессионал! А девиц таких полстраны!.. Конечно, если сравнивать

ее с твоей Иркой, то, понятное дело...

– *Что ты примотался к Ирке? – Кирилл обиделся, – сам все знаю, но она была единственной, кто на меня клюнул!*

– *В том, вот, твоя беда, – Ян вздохнул, – ты всегда ждешь, когда тебя выберут, а должен выбирать сам! Ладно, может, еще и успею вернуться к семи...*

Ян уверенно направился в знакомую гостиницу, где, как и в прошлом году, редакция забронировала ему номер, а, заселившись, сразу поехал на автовокзал. Всю дорогу Кирилл молча вздыхал, и Ян перестал обращать на него внимание.

На автовокзале выяснилась потрясающая вещь – оказывается, автобусы в Бредихино не ходили; то есть не по какому-то стечению обстоятельств, а уже год не ходили вообще! Надо было ехать до какого-то Глушенково, а дальше восемь километров, хоть идти пешком, хоть лететь на крыльях.

...Я ж не имел в виду так буквально – трое суток шагать!.. – Ян растерянно остановился посреди зала, и Кирилл понял, что у него появился шанс.

– *Слушай, какую сенсацию ты там хочешь нарыть? – начал он вкрадчиво, – если туда даже автобус отменили, ежу понятно, что никто там ничего не восстанавливал. Ну, общаешься ты с бабкой и ее козой, и что? Нечего там делать; тебе даже сверху подсказывают – все ж одно к одному, и Костю Орехова угнали в командировку, и диск с документами уже есть... для полных дебилов, которые ни хрена не понимают, даже автобус отменили!.. И само назва-*

ние-то – Бредихино; от слова «бред»!..

Во всем этом присутствовала определенная логика, но Ян не мог допустить, чтоб непутевый «сосед» вмешивался и в его профессиональную деятельность – хватит того, что в свободное от работы время он приставал с всякими глупостями.

В стороне от автобусов стояли пять грязных легковушек, водители которых, азартно резались в карты на капоте старой «шестерки», и Ян подошел.

– Мужики, Бредихино – знаете такой населенный пункт?

– И чо? – спросил один, даже не обернувшись.

– Ни чо! – Яна бесил этот беспросветный похренизм, – стонять надо! Подождать пару часов и привезти меня обратно.

– Ну, туда – штука! – водитель эффектно убил козырной дамой пикового туза, – обратно – штука! – в ход пошел козырной король, – и каждый час ожидания – по пятьсот... а это вам, хлопцы, на погоны, – он бросил на капот две фоски и наконец обернулся, – что, командир, за три штуки едем?

– Едем.

*

Водитель оказался неразговорчивым, и Яна это устраивало – он не мог назвать причину, но не испытывал симпатии к этому человеку. Профессия, конечно, научила его приспособ-

сабливаться к любым собеседникам, но сейчас необходимости беседовать не было, ведь вся нужная информация ждала его в конце маршрута.

Ян уставился в окно, пытаясь отыскать колоритные штрихи, всегда придававшие репортажам яркость, но скоро понял, что ничего интересного вокруг нет и быть не может – лишь грязная обочина, редкая лесополоса с корявыми деревьями, корка прошлогодней листвы, еще державшая в плену хилую зелень, а за лесополосой бескрайние, вспаханные с осени, черные поля.

Убогая бесконечность, среди которой он двигался к весьма расплывчатой цели, настраивала на философский лад, и тут, как всегда, появился Кирилл, ловивший подобные моменты.

– ...И чего ты добился? – спросил он, отвлекая Яна от созерцания разбуженной, но еще не проснувшейся природы.

Про данный конкретный случай тот ответить не мог, поэтому перешел на глобальные категории.

– *Всего! Ты посмотри на себя и на меня. Да ты должен, вообще, молчать в тряпочку за одно то, что я позволяю тебе паразитировать за мой счет! А ты, свинья, еще пытаешься мне что-то указывать!*

– *Ничего я тебе не указываю,* – снова обиделся Кирилл, – *пишешь ты, что хочешь...*

– *Ну, не хватало, чтоб ты еще совал нос в то, что я пишу!* – Ян возмущился до глубины души, – *хватит, что ты*

пытаться командовать, с какой девкой мне спать! Вот, скажи, чем эта Алена лучше той же Настьки?

– А всем лучше...

Настя была хохлушкой, закончившей у себя дома какой-то университет и приехавшей покорять Москву – Киев ей показался мелковат. Она бредила телевидением, и Ян, познакомившись с ней совершенно случайно, взялся помочь. Расчет за услуги, естественно, принимался в натуральной форме, но после пары «взносов» Насте вдруг расхотелось уходить на съемную квартиру в Строгино, которую она снимала на троих с еще двумя такими же «завоевательницами».

Карьера теледивы, правда, не состоялась, потому что друзья Яна позвонили через неделю и сказали: – Девочка твоя хочет не меньше, чем собственное шоу на федеральном канале, а тут постели маловато – тут еще бабки нужны. Ты за нее впрягаешься? Ян, конечно, ответил – нет, но Настя к тому времени уже как-то прижилась на новом месте.

Кстати, очень быстро выяснилось, что карьера – совсем не главная ее цель, а вполне достаточно светских тусовок, свободного пропуска на телецентр и прочих, как считал Кирилл, «дешевых понтов», но Яна девушка устраивала. А что – смазливая, послушная и всегда под рукой...

– Слышь, брат, – неожиданно подал голос водитель, – ты знаешь, как ехать в это твое Бредихино?

– Я?.. – Ян от удивления вытаращил глаза, – да без понятия! Рулило у нас кто?

– Рулило-то я, – водитель усмехнулся, – но я чего, каждую деревню должен знать? Слышал, есть такая в Глушенковском районе – так до Глушенково осталось километров двадцать, а дальше куда?

– Дальше еще восемь километров, – Ян вспомнил девушку из справочного бюро на автовокзале, – но, вот, куда?..

– Ладно, спросим в Глушенково.

Ян подался вперед, выглядывая хоть какой-нибудь указатель, но не было ничего, кроме тех же бескрайних полей и раздолбанной дороги, на которой машину трясло мелкой болезненной дрожью.

– ...*А я предупреждал – не фигу сюда переться, — воодушевился Кирилл, – слава богу, время есть, чтоб вернуться к семи...*

– *Да достал ты! Трахну я твою Алену! Только угомонись!*

– *Почему только трахну? У нее взгляд...*

– *Хорош, а! Две «палки» и до свиданья! Как всем!..*

Сразу за поворотом возник покосившийся сарай с вывеской «Автостанция Глушенково», из которой, похоже, совсем не вчера вывалилась буква «с». Возле «сарая» стоял ПАЗик, а чуть в стороне, жутко грязные «Жигули». Рядом с ними таксист и остановился. Ян тоже вышел, скорее, чтоб всласть потянуться и размять ноги, затекшие в непривычно тесном салоне.

Таксист постучал в стекло, и оно с готовностью опустилось.

– Слушай, Бредихино где-то тут есть. Как туда проехать?

– Проехать просто, только Бредихино больше нету, – «абориген» засмеялся, видя удивленные лица гостей, – там жителей-то было человек двадцать; после прошлогоднего наводнения его решили не восстанавливать, а народ расселили. В смысле, как расселили – кто уехал к родственникам, кому в райцентре брошенный дом выделили; фермер один – ну, типа, при деньгах, тот в город подался. А вам кого там надо?

– А кого нам надо? – таксист повернулся к Яну.

– Как бы сказать?.. – тот почесал затылок, – бабка там жила. С козой. Дом у нее с краю. Не знаю, как зовут...

– Дунька, что ли? – подсказал «абориген», – она на рынке постоянно молоком торговала. Так Дунька померла.

– Когда? Во время паводка?

– Не, после. К осени ближе. А чего вы хотели?

– Да ничего. Спасибо, – Ян отошел – задача решилась сама собой, просто и до обидного примитивно.

– Дальше чего? – таксист был явно доволен, что не придется забираться в глухомань, где, вместо дороги, наверняка лишь «направление».

– Поехали обратно, – Ян вздохнул, – две штуки отдам, как договаривались, – он забрался обратно в машину.

– ...*Слышь, повезло тебе – успеем к твоей Алёне, если не сломаемся, так что будет и на твоей улице праздник – член-то, как ни крути, у нас един...*

Кирилл не ответил на пошлость, и едва машина развер-

нулась, Ян закрыл глаза – наблюдать тусклый однообразный пейзаж не было ни интереса, ни смысла. ...Исходя из ситуации, план такой — сегодня сплю с «административной подстилкой»; завтра посмотрю диск, прикину материал, а вечером...

– Вечером Аленку пригласи, – подсказал Кирилл.

– Какая Аленка? О чём ты говоришь? Вечером, по любому, на Москву! И никаких соплей! Я даже билет сейчас возьму...

– Слушай, – Ян открыл глаза, – в городе кинь меня на ж.д. вокзал – билет надо взять.

– Получается, зря прокатился? – в голосе таксиста звучала неподдельная радость от чужой неудачи.

– Почему зря? – Ян не любил признавать даже крохотных поражений, – план я выполнил, а бабка с козой – это сверхзадача.

– Ну, и слава богу, – таксист разочарованно вздохнул, и оба замолчали теперь уже до самого города.

С билетами проблем не возникло; вернее, возможно, у тех, кто ездил в плацкарте они были, но Ян предпочитал, если не СВ, то хотя бы купе.

Таксист давно уехал, до семи оставался целый час, поэтому выйдя с вокзала, Ян не спеша побрел по главному проспекту, решив за неимением достойного «оживлянжа», вставить в репортаж впечатления от города.

Со смотровой площадки, где тонкую стелу венчал орден Отечественной войны, открывался вид на водохранилище,

и Ян достал камеру. ...*Пусть хоть такой водоем будет, – он сделал несколько снимков, – вообще, вода – интересная штука; кто-то, вот, запускает «механизм» ее безумия или просто в прошлом году снега выпало больше нормы, а глобальное потепление пошло ускоренными темпами?..*

– *А ты сам как думаешь?* – подал голос Кирилл, но Ян не ответил, чтоб не провоцировать бессмысленный поиск никому неизвестных истин.

Миновав сквер, он подошел к вождю мирового пролетариата, уверенно смотревшему в одном ему видимое, светлое будущее. Часы на башенке, венчавшей потрепанное желтое здание, показывали без четверти семь, и Ян направился к Администрации.

...*Лестница к небожителям, – подумал он, но сосчитав ступени; усмехнулся, – не высокого полета птички-то, – потом поднял взгляд к флагам России и города, рядышком развевавшимся на крыше, – зато понтов!..*

Из Администрации выходили мужчины и женщины, причем, в основном, парами и оживленно беседуя. ...*Небось, думают, что решают великие проблемы, – Ян вздохнул, – страна сплошных понтов... Он остановился в сторонке, чтоб не мешать «небожителям» спускаться с Олимпа к вверенному им народу. ...С другой стороны, за годы советской власти их же научили, что главное – щеки надувать; типа, ты кто? Я, член парткома! А что ты умеешь, член? А ничего! Только рулить, поскольку «Партия – наш рулевой». Вот,*

до сих пор никак не отвыкнул...

Со стоянки, занимавшей почти четверть площади, стала «разбегаться» стая черных «Ауди». ...*И никогда, господин Президент, вы не пересадите их на «Волги» – понты-то куда они денут? И плевать всем на ваши Указы. Как все-таки правильно подмечено, что строгость российских законов нивелируется необязательностью их исполнения. Куда ни кинь – какой-то жуткий заповедник...*

Алена вышла одна. Ян помахал рукой. Резко свернув, девушка, направилась к нему, и через минуту они встретились.

– Ну, привет, – Ян взял ее за руку, но не почувствовал ответного движения, – куда идем?

– Не знаю, – Алена пожала плечами, – только учтите, я даже не представляю, о чем вам рассказывать.

– Искусство журналиста в том и состоит, чтоб правильно ставить вопросы и получать нужные ответы. Так, куда? Чтоб и поесть можно было – я целый день голодный.

– А что так? – не называя конечной цели, Алена пошла через площадь, и Ян последовал рядом.

– Не успел. Я ж в прошлом году был здесь после паводка; репортаж сделал, после которого ваш вице-губернатор загремел под фанфары.

– Так это вы написали? – Алена повернула голову, и Ян впервые заметил в ее глазах подлинный интерес, – помню, шуму много было. Над судьбой бабки с козой женщины у нас рыдали.

– Писать я умею – работа у меня такая. А, вот, объясни, – Ян нащупал тему, – хоть убей, не понимаю людей, готовых утонуть вместе со своим барахлом.

– Немудрено, – Алена пожала плечами, – вы ж не представляете их жизнь. То, что вы назвали барахлом, это все, что у них есть, и они прекрасно отдают себе отчет – ничего другого у них никогда не будет, так как нет денег. Дом новый они не построят, еда – только та, что лежит в погребе, одежда – та, что висит в шкафу; все, больше ничего за душой нет! Вот, пропадет оно, и как жить потом? Бомжевать? Они спасают имущество не от жадности, а чтоб выжить в дальнейшем, понимаете? Кроме, как на себя, надеяться им не на кого.

– А на наше любимое государство? – съязвил Ян.

– Вы что, реально верите в него? – Алена остановилась; хотя тут же выяснилось, что сделала она это вовсе не от удивления, – нам сюда. Вполне приличное кафе.

Они вошли, сели за столик, но воззрения новой знакомой интересовали Яна гораздо больше, чем меню.

– То есть, диск, что ты мне дала, высосан из пальца, так?

– Если вы это напишите, мне уволят.

– Да не напишу, не бойся, – Ян ласково взял руку девушки, – слово даю! А еще лучше, я сначала пришлю тебе материал, чтоб ты подправила, если что. Поверь, ради сенсаций я «своих» никогда не сдаю.

– А я уже ваша? – Алена удивленно вскинула брови.

– В некотором роде, да; пока не во всем, конечно, но над этим будем работать позже, – Ян улыбнулся.

Алена, видимо, оценила двусмысленность фразы, и они сидели, молча улыбаясь друг другу, пока не появился официант.

– Что будешь пить? – Ян открыл меню.

– Наверное, ничего.

– Ведешь здоровый образ жизни?

– Да нет, – Алена засмеялась, – не курю – это да, но вино пью; только завтра мне за руль, поэтому как-то страшновато.

– Ментов, что ли, боишься? – Ян искренне удивился.

– И ментов тоже. А больше, что сама куда-нибудь въеду – я только месяц, как права получила, а алкоголь, говорят, держится в крови сутки...

– Да чудо ты мое! – Ян сжал Аленину руку, – хочешь, отвезу тебя, куда скажешь? Десять лет стажа по Москве – это великая школа. Тачка у тебя какая?

– «Меган». Новенькая. Три месяца назад купила.

– Ну, нормально. Главное, не «Лада-Калина». Ненавижу! Пусть Президент на ней катается! Итак, куда мы завтра едем?

– Вы закажите что-нибудь, – Алена выразительно посмотрела на терпеливо застывшего официанта.

– Давай, лучше ты, – Ян развернул меню, – а то попаду на что-нибудь несъедобное.

Алена выбрала блюда; Ян добавил бутылку вина, и офи-

циант удалился.

– Так, куда ж мы поедем? – Ян вернулся к начатой теме.

– Надо отцу передачку отвезти.

– Он что, сидит? – Ян даже опешил.

– Да бог с вами! – засмеялась Алена, – просто я так называю. Отец у меня... – она задумалась, пытаясь поточнее обрисовать ситуацию, но не нашла нужного слова, – короче, они с матерью разошлись. Он оставил нам квартиру, а себе забрал дачу; только это не совсем дача, а домик на сваях у самой реки. Там таких целый поселок еще с советских времен. Красота потрясающая! С одной стороны – река, с другой, затон, и получается, типа, полуостров. Вокруг лес... в общем, это видеть надо.

– Завтра и посмотрим, – Ян мгновенно решил, что такое времяпрепровождение гораздо приятнее копания в Решениях и Постановлениях, которыми он может заняться в поезде.

– Только там сейчас все затоплено – туда не проедешь.

– Как это? – Ян удивленно откинулся на стуле, – объявили же, что паводка в этом году нет.

– Его и нет, но у них свои заморочки... – Алена замолчала, ожидая, пока официант выставит на стол блюда.

...Она, правда, интересная девчонка!..

– Я ж тебе говорил! А ты не верил! – возликовал Кирилл.

– Слюни-то не пускай – интересных тоже до фига...

Официант удалился, и Ян наполнил бокалы.

– Давай. Не бойся, завтра я поведу. Так, что за заморочки?

– Там есть специальные шлюзы, чтоб во время паводка лишнюю воду сбрасывать, а их заклинило, поэтому вода и поднялась, и все пребывает. Ничего особо страшного нет – во-первых, все дома на сваях, а, во-вторых, в такое время там, кроме отца, никто не живет. Но ему-то есть, пить, курить надо. В сезон народа тьма; одни приезжают, другие уезжают, так он с ними договаривается; зимой рыбаки на выходные наезжают – тоже все привозят, а сейчас никого. Вот он мне звонит – типа, заказ делает.

– А как же ты к нему добираться, если кругом вода?

– Я до нужного места доезжаю, а он на лодке приплывает.

– Экзотика, блин! Давай, за поездку! – Ян поднял бокал.

– Я не навязывалась – вы сами захотели.

– Слушай, хватит выкать! А то как-то даже...

– Ладно, – Алена сделала глоток и засмеялась, – все, начала бухать – завтра я уже не рулю.

– Ты по любому не рулишь, забудь! Ален, – поставив наполовину опустевший бокал, Ян придвинулся ближе, – слушай, а на работу ты завтра не идешь?

– Нет, – она покачала головой, – боссы в Москве и вернуться послезавтра. Они уже почти неделю там торчат, так что я с девчонками договорилась – мы это часто практикуем.

– Неделя – что-то долго. Обычно местечковые «пупки» стараются парой дней отстреляться, чтоб не попасть кому-нибудь под горячую руку. Отрапортовал, и домой.

– Тут особая миссия, – Алена многозначительно подняла

палец, – дополнительные деньги поехали клянуть – регион-то у нас дотационный, а на носу посевная.

– Поздненько спохватились. В Минрегионе уже все лимиты расписаны – я-то знаю.

– Ну, наверное, потому и регион дотационный, что спохватываются поздно, только ты об этом тоже не пиши, ладно? – она допила вино и принялась за остывавшую еду.

– Я ж сказал – сначала я тебе материал скину; не волнуйся.

– Я особо не волнуюсь...

– Что, жених заступится? – не понятно к чему вспомнил Ян.

– Да нету никакого жениха, – вместо обычного в таких случаях тяжкого вздоха, Алена рассмеялась, – наврала я. Мне ж только двадцать четыре – пожить еще хочется.

– Это правильно, – Ян решил, что девушка начинает ему реально нравиться.

Пока он вновь наполнял бокалы, Алена наконец-то вздохнула, только совсем по другому поводу.

– У отца классно. Там у него всякие лешие, водяные...

– Это не от... – Ян выразительно приставил два пальца к кадыку, – типа, зеленые человечки, нет?

– Ты что? – Алена обиделась, – он не алкаш. Да я и сама один раз лешего видела – огоньки в лесу висели-висели, а потом, то ли в дерево, то ли в землю ушли.

– Может, инопланетяне?

– А, может. Я у них не спрашивала, только они, и рыбу от-

цу загоняют, и на грибные места наводят. Вот, вода спадет...

– А если я приеду, когда вода спадет, познакомишь?

– ...*Браво!* – воскликнул Кирилл.

– *Дурак*, – Ян постучал ему по лбу, – *доморощенная мистика сейчас самая проходная тема – «на ура» идет!..*

– Сие не от меня зависит, – Алена пожала плечами, – я так поняла – если они решают, что человек с добром пришел, то показываются, а иначе, нет.

...*Эх, Аленушка*, – вздохнул Кирилл, – *от этого козла ты добра не дождеешься...*

– *Хорошо, что напомнил, а то уже почти десять – пора определяться с продолжением вечера...*

– Как говорится, прикольно тут у вас, – сдвинув опустевшую тарелку, Ян разлил остатки вина.

Алена, похоже, угадала его мысль, потому что спросила:

– Ты где остановился? – и когда Ян назвал гостиницу, махнула рукой, – там все свои. Мы туда рабочие группы из всяких министерств селим, так что, если хочешь, могу сопроводить.

– Конечно, хочу! А то я днём-то у вас тут не ориентируюсь, а ночью и подавно. Пойдем? – он достал бумажник.

– Сейчас, – Алена достала помаду и зеркальце.

– ...*На фиг, нам та Настя?* – оживился Кирилл, — *давай...*

– ...*Слушай, хватит, а!* – перебил Ян, — *это пока в новинку, с ней интересно, а через месяц обрыднет, как и дру-*

гие! Ты ж, дурак, ничего в девушках не смыслишь...

– Я готова, – прервав спорщиков, Алена встала и первой выйдя из кафе, повернулась к ярко освещенной стоянке перед Администрацией, – вон, моя красавица, – она показала на единственную, стоявшую там машину.

– Так поехали! Или ты здесь ее бросишь?

– Конечно, здесь – оно надежнее, чем у гостиницы, а идти пешком ровно пятнадцать минут, – Алена развернула Яна в нужную сторону; тот обнял ее и уже потом спросил:

– Можно?

– Можно. Ты, вроде, нормальный... или прикидываешься?

– ...*Я! Я не прикидываюсь!* – крикнул Кирилл, но его никто не услышал, а Ян промолчал, не зная, как ответить, чтоб это соответствовало истине.

До гостиницы они шли молча, с удовольствием дыша весенним воздухом, который пока не был пропитан пьянящим ароматом распускающихся листьев, но после колючих зимних ветров, еще не стершихся из памяти, все равно казался радостным, предвещающим долгое веселое лето.

– А у тебя жена или девушка есть? – Алена неожиданно освободилась от руки кавалера.

– ...*Нет!*... – воскликнул, было, Кирилл, но Ян легко подавил этот глупый всплеск эмоций, так как считал – он достоин того, чтоб девушки спали с ним, вне зависимости от его прошлого, настоящего и уж, тем более, будущего.

– Жены нет, а девушка имеет место быть, – признался он, – правда, могу сказать – это не та девушка, которая раз и навсегда.

– Понятно, – Алена вздохнула, – типа, а жить-то хочется; а жить-то не с кем – вот, и живешь с кем попало.

– Слушай! – Ян развернул спутницу так, чтоб видеть ее глаза, – блин, а ведь точнее и не скажешь!

– Ладно, это уже не интересная история...

– А какая интересная?

– Интересная, например, когда два месяца человек колотит себя в грудь, что свободен, как весь китайский народ, а на третий, приходит СМС, типа, я – его жена, а ты, стерва, кто?

– Что, с тобой было такое? – догадался Ян.

– Было. Но не со мной... я решила, что не со мной.

Они вошли в холл гостиницы, и когда Ян протянул руку за ключом, администратор вдруг улыбнулась.

– Здравствуйте, Алена Викторовна.

– Привет, Танюш. Я пройду с товарищем?

– Конечно, Алена Викторовна!

– Пряма, Алена Викторовна! – уже на лестнице Ян обернулся, – ты тут, похоже, в авторитете.

– А как же? Я ж гостей поселяю – могу места у них забронировать, а могу в другой гостинице, усек?

Они поднялись в номер, и Ян запер дверь.

– О, знакомые места, – Алена огляделась, – здесь жил

начальник департамента животноводства; прикольный такой еврей – сам свинину не ест, а приезжал на открытие свиноводческого комплекса, – она задернула тяжелую штору, – мне сразу раздеваться?

Кирилл решил, что, поскольку рабочий день закончен, он имеет полное право отодвинуть «соседа», и сказал:

– Алэн, ну, ты что?.. Разве я похож на маньяка?

Конечно, Ян мог пресечь подобное самовольство, но решил не делать этого, причем, сам не зная, почему; скорее всего, хотел посмотреть, как поведет себя гостя в изменившейся обстановке.

– На маньяка не похож, – Алэна присела на постель, – а на мужчину, жаждущего секса, очень даже. Или мы реально будем обсуждать последствия паводка?

– Паводок поедем смотреть завтра, – Кирилл присел рядом и ласково взял ее за руку.

– Значит, все-таки раздеваться, – Алэна вздохнула.

– Слушай, – Кирилл развернул ее так, что их лица оказались совсем близко, – не старайся казаться хуже, чем есть, ладно? Тебе это не идет.

– Правда? – она засмеялась, – а я думала, тебе нравится, если вещи называют своими именами.

– Мне нравится это, когда я работаю; тогда да – мне нужна ясность позиции, – Кирилл оглянулся на ухмылявшегося Яна, – а сейчас я хочу искренности, тепла, ласки...

– То есть, ты хочешь, чтоб я в тебя влюбилась? Ну, раз

требуешь искренности и тепла; ласка, бог с ней – это не вопрос.

– ...*Эй, знай край и не падай!* – предупредил Ян, но Кирилл не отступил, что было неожиданно – обычно он безропотно освобождал «соседу» жизненное пространство.

– *Я тоже имею право на жизнь, понял!* – возмутился он.

– *Ну, попробуй – посмотрю, как ты потом приползешь зализывать раны...*

– Что ты молчишь? Ты действительно хочешь, чтоб я влюбилась? – повторила Алена, не дождавшись ответа, – зачем? Чтоб ты уехал, а я тут осталась страдать, да?

– ...*Умница!* – похвалил Ян, – *а ты, «сосед», дурак; как застрял в своем детстве, так и меряешь все детскими категориями!.. А, вот, девушка с головой дружит...*

– Ну, ответь хоть что-нибудь.

– Ты мне нравишься, – признался Кирилл тихо, и Ян промолчал – в принципе, девушка ему тоже понравилась.

...*Давай, валяй,* – вздохнул он, – *если не начнешь зарываться, так и быть, не стану мешать твоим экзерсисам... пока не стану.*

– Сказать, что я люблю тебя, не могу, – продолжал воодушевившейся Кирилл, – ты ж все равно не поверишь, так?

– Так, – Алена кивнула, – правильно делаешь, что не говоришь этого.

– Но ты не можешь отнять мое мироощущение, а, в соответствии с ним, ты мне нравишься.

– Во, сказанул! Где уж нам, выпускникам педуниверсита, тягаться в красноречии со столичными журналистами – нравлюсь, значит, нравлюсь, – Алена прижалась к его плечу.

– ...Только авансы особо не раздавай, – предупредил Ян, без труда проникавший в желания «соседа», – а то будешь сейчас в Москву звать; типа, я там тебя устрою. Учти, все связи мои, а я не собираюсь их задействовать для первой попавшейся девки. Хватит с меня Насти – до сих пор телевизионщики припоминают, какую стерву я им пытался впарить.

– А если она не первая попавшаяся?

– Не, ты что, совсем debil? Мы знакомы полдня, и она уже пришла трахаться, а прикинь, если ее запустить в Москву, да познакомить с бомондом? Это ж будет Настя, модель вторая! Замучаешься вытаскивать из чужих постелей!..

Довод выглядел весомо, и Кирилл растерянно уставился на свою избранницу. Глаза Алены были закрыты и ничто не мешало ему изучать лицо с чуть вздернутым носиком; большим, чему-то улыбавшимся ртом, родинкой возле левого уха. Несмотря на предупреждение «соседа», оно нравилось ему все больше, и он нашел-таки контраргумент:

– А если я ей тоже реально нравлюсь? Если это искра...

– Не, брат, поиграл и хватит! – Ян грубо отодвинул «соседа», – сейчас наломаешь дров, а расхлебывать мне! Сам ты способен только слюни пускать...

Ян аккуратно расстегнул верхнюю пуговку на блузке гостыи; за ней вторую, выставляя напоказ ажурный бюстгальтер. Алена открыла глаза – в них не было ни удивления, ни разочарования; наверное, все просто встало на свои места.

Вздохнув, она встала.

– Пойду в душ. Я быстро.

– ...*Но нельзя же так!*.. – простонал оскорбленный в лучших чувствах Кирилл, – *все у тебя как-то...*

– *Ну, скажи еще, по животному,* — Ян усмехнулся, – *а мы и есть животные, только наиболее разумные. А твои пути-пути – они от бессилия. Вспомни, многого ты добился, пока не появился я? Школу закончил с медалью? Ну, за это, конечно, спасибо. А потом-то только отсиживаешься за моей спиной и пожинаешь плоды моего труда. Вот, представь, что не было б всего, чего я достиг – да эта Алена не подошла б к тебе на пушечный выстрел! И плевать ей было б, нравится она тебе или нет! Это я ей нравлюсь, понял? И я имею право получить за это плату!..*

Ответить Кирилл не успел; да если честно, и не знал, что ответить, хотя очень хотелось.

– Я готова, – Алена появилась, закутанная в полотенце; длинные волосы прикрывали обнаженные плечи.

...*Господи, она готова!* – расстроился Кирилл, – *похоже, они, действительно, стоят друг друга, а я – глупый идеалист...*

Ян молча поцеловал Алenu в губы; рот ее приоткрылся,

выпустив на свободу шустрый язычок. Кирилл чувствовал его уверенные движения и ему стало грустно.

– Я тоже быстро, – прервав поцелуй, Ян ушел в ванную.

Когда дверь закрылась, Алена сбросила полотенце, оставшись нагишом; юркнула под одеяло и легла на спину, разглядывая белый плафон люстры. Она ни о чём не жалела, ни в чём не сомневалась, но это «ты мне нравишься» смущало воображение. Было в нем, вкупе со странным взглядом, нечто, выпадающее из привычной системы отношений, и это нечто пробуждало щемящее чувство чего-то нереализованного, спрятанного глубоко и, как ей самой казалось, очень надолго.

...Почему он так сказал? Разве ему недостаточно, что я пришла сюда? Ему хочется, чтоб я потом еще мучилась, вспоминая его... моральный садист, в натуре... – Алена не первый раз прокручивала такой сценарий завершения отношений, причем, с различными для своей психики последствиями, но тут в сценарии появилась новая грань, резко сокращавшая количество «серий», – зачем я согласилась завтра взять его с собой? Я и сейчас не пьяная, а завтра буду, как стекло. Нечего ему там делать! Скажу, что передумала – он, небось, только обрадуется; и, вообще, так будет лучше для всех...

Дверь ванной открылась, и мысли разом исчезли, позволяя организму настроиться на предстоящий процесс. Ян выключил свет, а еще через секунду Алена почувствовала ру-

ки, уверенно прижавшие ее к накаченному, явно спортивно-му телу. Она закрыла глаза, хотя в комнате и так было темно. Сначала ее нежно коснулись губы, потом зубы осторожно сжали сосок – в теле сразу проснулась, дремлющая в любви женщине энергия, дыхание стало чаще и успокоить его уже не получалось; голова запрокинулась, руки разметались в стороны, ноги сами собой расползлись, согнувшись в коленях...

Сколько прошло времени, Алена не знала, да и не хотела знать. Тело наполняла замечательная усталость, и даже то, что мужчина, сотворивший с ней все это, сразу откатился на край постели, не имело значения. Мысли неспешно ползали среди ярких взрывающихся огней, олицетворявших праздник: *...Интересно, я ему все еще нравлюсь или уже нет необходимости говорить такие слова?..*

– Все хорошо? – спросил Ян.

...Вот он, простой и понятный вопрос! Без всяких глупых заморочек... На него знаешь, что отвечать...

– Да... – прошептала Алена. Счастливая истома стала уходить; желая продлить ее, она обняла Яна и добавила такую же простую, понятную фразу, – ты – классный...

– *...Понял, дурак, что ей нужно?* – Ян оглянулся на Кирилла, – *и все довольны, а ты б все испортил!..*

– *Похоже, ты прав,* – Кирилл тяжело вздохнул, – *но пойми, я ведь имею право на свои эмоции...*

– Имеешь. Скажу больше – без них было б скучно. Все-таки ты вносишь необходимый элемент глупости, препятствующий превращению моего существования в компьютерную программу – потому я еще и терплю тебя, а иначе б давно загнал в самый дальний, пыльный угол памяти...

Пока «соседи» беседовали между собой, Алена успела вползти на Яна, прижалась всем телом; губы ласково касались его шеи, язычок залезал в ушную раковину...

– Во сколько завтра встаем? – Ян лениво обхватил девушку обеими руками.

Алена уже забыла, что собиралась все переиграть и ехать одна, поэтому ответила механически:

– В восемь. Заскочим ко мне – я переоденусь, потом в супермаркет – затаримся... – только тут она спохватилась, но за секунду менять решение выглядело б некрасиво. ...*Почему он больше не говорит, что я ему нравлюсь?.. Хоть бы во время секса сказал! Хоть так!..*

Настроение мгновенно испортилось. Алена сползла на свою территорию и отвернулась.

– Давай спать?

– Давай, – Ян тоже повернулся на бок и дежурно положил руку ей на плечо.

*

Темно-синее «Рено-Меган» покинуло город и покатилося

по узкому, испещренному трещинами асфальту среди домиков за деревянными заборами, свежевскопанных огородов и садов с белыми от известки стволами яблонь.

...И все-таки не понимаю, зачем тащу его с собой?.. Вразумительного ответа не находилось, а невразумительный звучал, вообще, абсурдно: Мне не хочется с ним расставаться... Почему? Секс был самый обычный, а, кроме него, ничего больше и не было...

Время не ограничивало, и Алена пропустила через фильтр своих ощущений все сегодняшнее утро. *...Ну, встали. Мог бы, кстати, разбудить поцелуем, если я ему нравлюсь... а я ему нравлюсь! Иначе б он вчера так не смотрел и говорил не так!..*

Странный взгляд и слова, произнесенные как-то необъяснимо по-особенному, по радостности восприятия превосходили все ранее слышанные ею признания в любви, но от этого не становилось легче; скорее, наоборот.

...Ладно, бог с ним – поцеловать не догадался... Потом поехали ко мне. Подняться он не захотел, то есть ему не интересно, как я живу. Я ж не предлагала снова заняться сексом, но хоть глянуть одним глазком!.. В супермаркете он, правда, таскал пакеты, но еще не хватало, чтоб я корячилась с ними, когда рядом здоровый мужик... Короче, ничего не понятно. Первый раз в жизни со мной такая фигня...

Алена незаметно скосила взгляд на Яна, вперившегося в пустую дорогу, уже бежавшую мимо бескрайних понурых

полей.

...И что, я б сама не доехала? Трусиха несчастная... Хотя теперь это уже не актуально...

– Ян, – она перестала скрывать свой интерес и повернула голову, – почему ты все время молчишь? Или получил свое и больше ничего делать не хочешь?

Кирилл рванулся, собираясь объяснить, что это не так; что он просто боится выглядеть глупо, если его смутные чувства окажутся ей не нужны, но Ян среагировал быстрее – ему не требовалось искать нужные слова, а хватало лишь озвучить голую правду.

– Понимаешь, – он мельком глянул на Алёну и вновь вернулся к дороге, – сознание творческого человека (а журналист, как ни парадоксально, тоже относится к этой категории) работает 24 часа в сутки с редкими перерывами, когда его отвлекает что-то, либо очень важное, либо очень интересное. Так вот, я уже обдумываю то, что собираюсь написать...

– Слушай, – Алена устроилась поудобнее, – а когда ты говорил, что я тебе нравлюсь, ясно дело, ты отвлекался от своих статей. Скажи, это было важным или интересным?

Тут Ян растерялся – для него это не являлось ни тем, ни другим, и Кирилл воспользовался заминкой.

– Важным! – воскликнул он, – честное слово, очень важным!

– ...*Что ты несешь?!* – Ян попытался остановить зарвав-

шегося «соседа», но Кирилл его не слушал, стараясь максимально использовать случайно появившуюся свободу.

– Алэн, ты удивительная девушка!

– Чем же? – она не растаяла от неожиданного комплимента, но кокетливо повела плечиком.

Расставлять приоритеты было некогда, иначе б Ян снова успел завладеть инициативой, поэтому Кирилл разом выплеснул все, что осталось в душе еще со вчерашнего дня:

– Ты красивая, открытая, откровенная, что в наше время редкость... ты умная...

...Заткнись, идиот! – рявкнул Ян, и Кирилл замолчал, – *зачем эти дурацкие признания? Они, между прочим, несут определенные обязательства! Еще б ляпнул, что влюбился! А ты спросил – мне это надо? Я тебя кормлю, пою, удовлетворяю твои прихоти, а ты, мимо меня, строишь отношения!..*

– И что мне толку от всех этих замечательных качеств? – напомнила о себе Алена.

Но «соседи» молчали оба, действительно, не зная, какую пользу можно извлечь из всего этого набора.

– Странный ты, – Алена вздохнула, – иногда мне кажется, что в тебе каким-то образом живут два разных человека...

«Соседи» испуганно переглянулись – никому никогда не удавалось разделить их, а такое понимание давало возможность выбрать для общения лишь одного; возвращать его, лелеять, а как тогда существовать второму?..

– ...Она, правда, слишком умная, — резюмировал наконец

Ян, — пора с ней завязывать.

– Никогда! Чем больше я узнаю ее, тем лучше понимаю, что я ее...

– Вот, только не произноси эту хрень вслух! Мне это не нужно, понимаешь? А если я разозлюсь, тебе будет хуже — я сотру тебя и стану жить один, только так, как хочу!

– Не получится, — Кирилл ехидно ухмыльнулся, — ты сам прекрасно знаешь — мы существуем, либо вместе, либо не существуем вообще. Ты хочешь умереть? А как же твои далеко идущие планы?..

Они б могли выяснять отношения еще долго, но Алена, не дождавшись хоть какого-нибудь ответа, отвернулась и вздохнула так, что даже Яну стало жаль ее. Правда, слова жалости складывались у него плохо, поэтому Кирилл без борьбы снова захватил власть.

– Алена, милая, — он ласково взял руку девушки, — прости. Я иногда бываю ужасно гадким, но это отпечаток той жизни, которой я вынужден жить. Не обижайся, пожалуйста.

... — Блин, реально сровнял с говном, — пробормотал Ян, — ну, порезвись, сучонок. Я тебе все это еще припомню...

– Не надо. Я уже все поняла, — Алена забрала руку.

– ...Так его, девочка! — восторжествовал Ян, — имей дело только со мной и все будет классно!..

– Вон, колею справа, видишь? Нам туда, — Алена, как ни

в чём ни бывало, достала мобильник и подождав минуту, сообщила, – пап, я подъезжаю, так что выплывай.

Постепенно луг, по которому они ехали, заполнился водой. Сначала она чуть поблескивала среди ярко зеленой травы, потом сравнялась с ней, а еще через километр колеса уже рассекали ее, поднимая крохотную волну.

Молчание затягивалось. Кириллу казалось, что скоро они въедут в реку, скроются в ней и задохнутся, ничего не сделав, не сказав друг другу самое главное. Взглянув на ухмылявшегося «соседа», он понял, что тот ничего не боится, и уже готов праздновать победу.

– Ален, – Кирилл сделал еще одну попытку использовать свою временную власть, – согласен, мы разные... но ведь все люди разные, правда? И это не мешает... мы ж знакомы всего сутки... не сердись, пожалуйста...

– Да не сержусь я, – отмахнулась Алена, – просто, знаешь, такие перепады... как тебе объяснить?... Напрягают они очень, и сразу рождает нехорошие мысли. Собственно, не надо было тогда говорить, что я тебе нравлюсь, и смотреть так не надо было – тогда все было б нормально.

– Ален, но ты мне, правда, нравишься!

– Допустим, я поверю, – она усмехнулась, – и что дальше?

– ... *Только попробуй, заговори про любовь, сволочь*, – прошипел Ян, – *убить не смогу, но больше ты никогда не выйдешь на свободу... никогда, понял!..*

– Нам вон к тем кустам, – Алена вытянула руку, и Кирилл

механически вывернул руль, обдумывая угрозу «соседа».

– Что дальше? – почти въехав радиатором в кусты, он заглушил двигатель, – пока сам не знаю... – и неожиданно обняв Алёну, крепко прижал к себе, – но ты мне нравишься, как не нравился еще никто!

...Уже легче, – решил Ян, – хоть в любви не признался, соплежуй хренов...

– Сейчас ты правду говоришь? – спросила Алёна тихо, – только не обманывай – переспать со мной ты уже переспал и красиво врать больше не обязательно. Не издевайся надо мной, ладно? – при этом ее руки гладили голову Кирилла, и Ян чувствовал, что эти прикосновения ему тоже приятны. Именно поэтому он не прекратил весь этот фарс.

Но «фарс» прекратился сам собой – едва вдали послышался треск мотора, Алёна отстранилась.

– Отец едет. Доставай пакеты.

– Сейчас, – Кирилл неохотно вернулся в реальность; открыл дверцу, но растерянно обернулся, – блин! А как же?..

– А так, – Алёна весело засмеялась, тоже вернувшись из грез, – снимай джинсы, – сама она была в широких брюках, поэтому сбросив кроссовки, запросто закатала их выше колен.

– Понял, – Кирилл разулся, аккуратно сунул носки в туфли, но раздеваться не стал, а лишь максимально поддернул джинсы, обнажив волосатые щиколотки. Попробовал воду босой ногой, – холодная, блин!

– А ты как хотел? – Алена плюхнула сразу обеими ногами, подняв брызги, – чай, не лето. Слушай, – опершись о крышу машины, она склонилась в салон, – хочешь, сиди – я сама отнесу.

– Вот еще! Будешь тут надрываться! – Кирилл бесстрашно шагнул в ледяную воду. Сначала ступни обожгло, но потом стало даже приятно ощущать уставшими от обуви пальцами щекотание мокрой травы. У самой ноги он увидел плавник и воскликнул совсем по-детски, – ой, рыба!

– А ты не знал? – Алена расхохоталась в голос, – она ж тут по всему лугу плавает! Потом уйдет обратно в реку, а которая застрянет в старицах, ее можно будет руками ловить.

– Класс! – Кирилл пошлепал к багажнику.

... – *Попробуй, простудись*, – предупредил Ян, – *через неделю выборы в двух регионах – работать надо, а ты свалишь меня с температурой...* – но смех Алены был куда приятнее этого занудного голоса, да и звук мотора слышался уже совсем рядом.

Поднимая широкую волну, справа появилась лодка. Описав дугу, она шла прямо к ним, и Кирилл разглядел не только ее бортовой номер, но и небритого седого мужчину с непокрытой головой, одетого в свитер и штормовку.

...*Классический типаж браконьера*, – на всякий случай, отметил Ян и вновь утратил интерес к происходящему.

– А как он подплывет? Здесь же мелко, – удивился Кирилл.

– Легко! Мы ж стоим, типа, на берегу, а за кустами настоящая река. Так что, смотри, не шагни в глубину, – предупредила Алена.

– Как интересно... – Кирилл достал два больших ярких пакета, которые на фоне дикой природы выглядели искусственно; впрочем, и маленький аккуратный автомобильчик тоже.

Лодка ткнулась в кусты, последний раз плюнула сизым дымом и стало оглушительно тихо; лишь потом в тишину вплелись голоса лягушек, стук дятла в далеком лесу и трели неизвестных ни Кириллу, ни Яну птиц.

– Аленка, а кто там с тобой? – на мужчине были высокие резиновые сапоги, и он смело шагнул в воду с резко качнувшейся лодки, – ты что, бухала вчера и наняла шофера?

– Папка! – Алена возмутилась, но очень игриво, – ты ж знаешь, я не бухаю!

– Ну, выпивала...

– Пап, хватит тебе. Это мой друг, журналист из Москвы.

– Из Москвы? – мужчина явно встревожился, – и чего он тут разнюхивает? Привезла ко мне вражеского агента?

– Успокойся, – Алена засмеялась, – к твоим москвичам он отношения не имеет. Он совсем по другому делу приехал. Зовут его Ян Борецкий – очень известный журналист.

– Поляк, что ли? – мужчина нахмурился, – вот уж, кого не люблю – никогда у России отношения с ними не складывались.

Ян, опрометчиво пустивший процесс на самотек, встретился, но было поздно.

— Это творческий псевдоним, — пояснил Кирилл, — а, вообще-то, меня зовут Кирилл Колодин.

— О, Кирилл — это другое дело! И Колодин — мощная такая фамилия, — «браконьер» протянул руку, — Василий Петрович. Давай, просто — Василий.

...*Ах ты, сука!* — запоздало взвился Ян. Он давно привык в отношениях с «соседом» чувствовать себя главным, и по всем вопросам обращались именно к нему, а дурака Колодина лишь штрафовали гаишники, да сонные кассиры, которым все до лампочки, совали ему через окошко билеты. Но момент, чтоб вернуть ситуацию в привычное русло, был упущен.

...*Ну и хрен с тобой,* — успокоился вдруг Ян, — *завтра свалим отсюда и все встанет на свои места, а для этой шлюшки (трахал-то ее я, а не ты!) и ее папаши-браконьера пусть фигурирует гребанный Колодин... вообще, пока в поезд не сядем, слова не скажу!..*

— Так, ты, Кирилл?.. — Алена обалдело хлопала глазами, словно имя могло в корне изменить представление о человеке.

— Да, а что? — он улыбнулся.

Что было в его взгляде, Кирилл и сам не успел понять, но Василий, хоть и походил на «замшелого» браконьера, что-то уловил, потому что спросил:

– Кирилл, хочешь посмотреть наше Радчино?

– А машина?

Вопрос подразумевал согласие, и Василий повернулся к дочери.

– Алэн, ты ж Вовку с турбазы знаешь? Две сотни ему даешь, и на сутки машина под охраной. Он вас сюда подвезет, а я пока подожду. Только передачку-то давай, а то увезете Вовке.

– Не увезем, – Кирилл вытащил пакеты.

– Езжайте, – Василий пристроил груз в лодке и забрался туда сам; достав сигарету, уселся на узкую деревянную лавку, наблюдая, как дочь садится в машину с известным московским журналистом, пять минут назад смотревшим на нее с ласковым трепетом.

Кирилл сел за руль, и только коснувшись ступнями резинового коврика, почувствовал, что ноги окоченели и плохо слушаются; пошевелил посиневшими пальцами и вдруг чихнул.

– Не заболей с непривычки, – сказала Алена.

– А ты сама привычная?

– Я еще купаться буду, – Алена села так, чтоб лучше видеть водителя, – ты, правда, не возражаешь, что мы к отцу заедем?

– О чём ты! – Кирилл притянул девушку; она не сопротивлялась, но оглянулась.

– Отец увидит.

– И что?

– Да ничего, – Алена засмеялась, – просто каждый раз доставать потом будет – куда ты делся, и придется объяснять, что это была моя очередная ошибка. Он расстроится...

– А почему я должен куда-то деться? – Кирилл испытующе взглянул на Яна, но тот молчал, демонстративно сжав губы – а зачем ему было вступать в спор, если править «соседу», по любому, осталось два дня, и в Москве он ему все припомнит.

– Не надо об этом, – Алена вздохнула, – Кирилл... знаешь, мне так больше нравится, чем Ян, – и сама прильнула к его губам.

Когда поцелуй иссяк, она вернулась в свое кресло.

– Поехали, а то отец ждет.

То ли поцелуй был таким горячим, то ли время подошло, но ноги вновь обрели чувствительность.

– Интересный он у тебя мужик, – Кирилл завел двигатель, – поляков – ладно, а москвичей-то он за что не любит?

– Долгая история, – Алена вздохнула, – пусть он сам тебе потом расскажет.

Впереди возникло скопление явно нежилых домиков, и только возле одного стоял черный джип.

– Посигналь, – попросила Алена.

Кирилл посигналил; из домика вышел парень и остановился, поджидая гостей.

– Это Вовка, хозяин турбазы, – пояснила Алена, когда они

подъехали совсем близко.

За домом оказалась стоянка, где уже устроились два одинаковых «Пассата»; Кирилл встал рядом, отдал деньги и потом, все трое перебрались в джип.

– Тачки-то чьи? – поинтересовалась Алена, когда они отъехали от базы, – неужто кто из Радчинских открыл сезон?

– Не, пришлые. Леща гребут, – Вовка махнул рукой, – а у тебя, значит, жених появился?

– Не то, чтоб жених...

– Я понимаю, что не то, но я ж культурно выражаюсь. А я, значит, как только к тебе ни подкатывал...

– Ты неправильно подкатывал, – Алена привалилась к Кириллу, сидевшему рядом, на заднем сиденье, и тот обнял ее.

– ...Конечно, неправильно, – пояснил Ян, руша в «соседе» наметившуюся идиллию, – *что та турбаза, если тут, типа, столица светит! Только, фиг ты, девочка, угадала!..*

– Заткнись! – огрызнулся Кирилл, – *собирался молчать, вот, и молчи! Сами как-нибудь разберемся!..*

– *Посмотрим-посмотрим...*

Высадил их Вовка у знакомых кустов. Василий помог забраться в лодку сначала дочери, потом Кириллу; оттолкнулся веслом от видимого ему одному берега и ловко перебравшись на корму, дернул заводной тросик. Двигатель затрещал. Лодка, задрвав нос, понеслась, хлопая по воде днищем, оставляя за собой разбегающуюся в стороны волну. Щурясь от встречного ветра, Кирилл огляделся. Пейзаж ка-

зался фантастическим и не шел ни в какое сравнение с наполненными ужасом и горем прошлогодними картинками. Там люди бежали от стихии – бежали с криками и плачем, под аккомпанемент вертолетов и катеров, под четкие команды спасателей, мычание обезумевших коров, вой собак, а здесь они сами шли ей навстречу, и стихия с радостью принимала их.

Поездив по России вместе с Яном, Кирилл видел и гораздо более внушительные водоемы, но здесь все было по-другому. Только через несколько минут он понял, в чем дело – какими бы широкими и могучими ни были реки, они всегда имели берега, а здесь берегов не существовало! И не только берегов, а, вообще, суши – деревья росли прямо из воды, как и столбик с табличкой «Берегите лес», и столбы электропередач. При этом сравнение с Всемирным потопом не возникало, потому что бескрайняя водная гладь несла ни кару за грехи человеческие, а покой и умиротворение. Кириллу вспомнился старый фильм с Кевином Коснером, «Водный мир».

...Точно! Вот он, реальный Водный Мир! Смотри и запоминай! – он обратился к Яну, но тот усмехнулся.

– *На фиг, оно мне надо? Я романы не собираюсь писать.*

– *Дурак ты,* – Кирилл вздохнул.

– *И это я тебе припомню,* — зловеще прошипел Ян, – *Москва-то с каждой минутой все ближе – скоро репортаж надо делать, так что кончается твое время...*

Кирилл знал, что, скорее всего, так и будет, но думать об этом не хотелось – он наслаждался властью над собственными мыслями и поступками. Последний раз такое состояние возникало у него в детстве, когда еще не требовалось заниматься добыванием денег (эту проблему решали родители), и Яна не существовало вовсе – ни имени такого, ни фамилии, Борецкий.

Кирилл снова попытался погрузиться в таинство пробудившейся природы, однако прежний восторг не возвращался. Все было очень красиво, очень ново, но через пару месяцев ведь оно, вместе с Аленой, ее отцом, потрясающими трелями птиц и неповторимым своей свежестью запахом воды, потеряется в серой массе отработанного жизненного материала.

...Так, может, Ян прав – не стоит мне высовываться из своего закутка? Надо отдать ему бразды правления и сидеть тихонько, радуясь, что пока еще жив?..

– ...Во-во, – подхватил Ян, – наконец-то ты умнеешь. А то начал права качать! Я пашу круглые сутки, а вместо благодарности...

– Вот и Радчино! – вклинился в диалог «соседей» голос Алены, и повернув голову, Кирилл увидел слева одинокий домик. Его сваи полностью скрывала вода, поэтому казалось, что он медленно дрейфует среди черных кряжистых дубов и радостных, подернувшихся едва проклюнувшейся зеленой березок; вокруг мирно плавала стайка садовой мебели, па-

ра пластиковых канистр и еще что-то, чего Кирилл не успел разглядеть, потому что домик быстро остался позади. Зато справа, прямо посреди воды, возникли настилы мостков, ведущих из ниоткуда в никуда.

...Похоже, это другой берег, – догадался Кирилл, – ле том-то, выходит, речка совсем не широкая, а тут у них что-то типа пляжа или лодочной пристани...

Дальше начиналась «улица», состоявшая из причудливых строений, явно возведенных людьми, имевшими весьма отдаленное представление о строительстве. Зато в высоте свай они не ошиблись, и потому вода тихонько плескалась под полом, а сами дома, будто парили в воздухе.

...Здесь наводок – не трагедия, – подумал Кирилл, – здесь это образ жизни – доброй размеренной жизни под покровительством природы. Ведь что ей стоило поднять воду еще на полметра? Да ничего! С ее-то возможностями! Но почему-то она этого не сделала, и домики радостно смотрятся в зеркало тихой воды. Как же здорово тут!..

– Ага, — мгновенно среагировал Ян, — *только у тебя нет дочки, которая б возила жратву, а в остальном, тебе самое место в заповеднике для дебилов, не приспособленных к реальной жизни...*

– Вон, папина халупа!

Проследив за жестом Алены, Кирилл уткнулся удивленным взглядом в симпатичный домик, покрытый пластиковым шифером и отделанный сайдингом.

– Ничего себе халупа! – Кирилл тоже пытался перекрыть звук мотора.

– Мы в прошлом году его перестроили, а был, как все!

Общаться на повышенных тонах было неудобно, поэтому все снова замолчали до тех пор, пока Василий не заглушил мотор. Дома к этому времени приблизились настолько, что Кирилл с интересом разглядывал вылинявшие шторы на окнах, а где шторок не было, пустые банки и бутылки на подоконниках, бревенчатые стены внутри покосившихся веранд. Разделяли дома узкие каналы, в которые лодка могла протиснуться с трудом, но Василий туда и не поплыл, а свернул к металлической лестнице, возникавшей прямо из воды и упиравшейся в железную дверь.

– Как тебе? – качнув лодку, Алена перебралась на нос и села лицом к Кириллу.

– Настоящий рай!

– Я рада, – девушка улыбнулась, – а то, думаю, скажешь – привезла черти куда...

– Нет, что ты! Мне здесь очень нравится!.. И ты нравишься.

Василий, слышавший разговор, усмехнулся.

– Слушайте, голубки, вы сначала лодку привяжите.

– Сейчас, пап, – Алена ловко повернулась и опутав веревкой стойку лестницы перепрыгнула на нижнюю, из двух оставшихся над водой ступенек; протянула руку Кириллу, – давай, не бойся.

– Я и не боюсь, – оказавшись на неподвижном металле, Кирилл потянулся, – нет, ей-богу, тут классно!

Василий подал ему пакеты, а Алена открыла дверь.

– Иди сюда, – позвала она.

Кирилл шагнул внутрь, из сказочной весны погрузившись в атмосферу кухни, пропитанную запахом жареной рыбы. В углу дребезжал холодильник, а на плите, подключенной к красному газовому баллону, стояла сковородка с той самой рыбой; еще одна сырая рыбина – большая, сантиметров шестьдесят щука с приоткрытой зубастой пастью и чуть затуманившимся глазом, лежала на столе, в прозрачном пакете.

– Аленка, это тебе – часа три назад поймал, – пояснил Василий, увидев, с каким интересом гости изучают грозную хищницу, – вспомнил, как ты делала ее фаршированную!..

– Ты умеешь фаршировать щуку? – удивился Кирилл, слышавший, что это сложное блюдо, а потому его лучше заказывать в ресторане.

– Я, вообще, хорошо готовлю. Что, не ожидал?

Не ожидал этого не только Кирилл. Ян, наблюдавший за происходящим со стороны, вспомнил девицу в мини-юбке, которая выносила ему диск; потом другую, с маленькой грудью и упругими ягодицами, стонавшую в постели – они прекрасно сливались в единое целое, а, вот, собственноручно приготовленная щука – это было из какой-то другой истории.

– Она у меня на все руки от скуки, – Василий принял-
ся извлекать из пакета «плоды цивилизации»; добравшись
до водки, выпрямился, – Кирилл, ты как по этому делу?

– Не очень, – тот покачал головой, – но за компанию могу.
Только я ж, вроде, за рулем.

– Ни за каким ты не за рулем, – безапелляционно сооб-
щила Алена, – я-то с вами не буду выпивать.

– Ох, Ален, – Василий поставил бутылку на стол, – прям,
не знаю – не пьешь, не куришь; что за радости у тебя в жиз-
ни?

– Ну, есть кое-какие, – Алена засмеялась, и никто не стал
уточнять, какие другие радости могут прельстить молодую
девушку, – давайте, закусить вам сделаю.

– А чего делать? – удивился Василий, – картошка сварена,
рыба поджарена, водку сейчас откроем.

– Ну, хоть салатик покрошу, – Алена достала купленные
в супермаркете овощи.

– Да? – Василий почесал затылок, – ладно. Пойдем, Ки-
рилл, пока покажу тебе кое-что. Только обуйся, а то железо
холодное, – он выдвинул огромные галоши, – тапочек, изви-
ни, нету.

– Нормально, – Кирилл сунул босые ноги в мягкое розо-
вое нутро, и мужчины вышли на крыльцо.

– Вот, скажи, ты такую рыбалку видел? – Василий взял
прислоненную к стене удочку, что-то насадил на крючок
и забросил прямо с крыльца.

Поплавок продержался на поверхности всего пару минут, а потом лег на бок, и медленно пополз в сторону.

– Подлещик, – констатировал Василий еще до того, как подсек, и над водой, сверкая серебром, взлетела широкая плоская рыбка, – вот, напиши в своей газете – выходишь утречком и забрасываешь, не спускаясь с порога... – Василий опустил рыбу в приготовленную кастрюлю без ручки и протянул удочку гостю, – хочешь? Тут клев!.. Она ж голодная после зимы.

– Да я как-то не умею, – Кирилл улыбнулся, – не рыбацк. Но места здесь фантастические!

– И эту красоту хотят уничтожить, – Василий вздохнул, – понастроят коттеджей, как на месте «Росинки»...

– погоди, – перебил Кирилл, – кто хочет уничтожить? Расскажи – сейчас пресса круче любой прокуратуры; одна статья, и вся страна на ушах.

...Ах, ты, сучонок! – возмутился Ян, – *ты-то здесь причем? Хочешь на чужих заслугах въехать в рай? Хрен тебе!..*

– *Я ж никому ничего не обещаю – я просто спросил...*

– *Ну, давай-давай... спрашивай...*

– История обычная, – закурив, Василий уставился на солнечные блики, игравшие в мутной воде, – при социализме тут, кроме нашего Товарищества рыбаков-любителей, заводские турбазы были. В перестройку заводы закрылись – как говорится, перековали мечи на орало; естественно, от турбаз тоже ничего не осталось, кроме числившихся за ними терри-

торий по несколько гектар каждая. Пришли распальцованные мальчишки и тихонько все приватизировали – мы даже не знали. Лет десять тут конь не валялся, а год назад вдруг начали валить лес, рыть котлованы, стройматериалы завезли. Мы к главе района, а он – будут тут, ребята, коттеджи для московской элиты, а то она, бедная, задыхается в смоге, и руками разводит – сделать, мол, ничего не могу, так как изначальные мальчишки, оказывается, землю уже три раза перепродали, и нынешние хозяева владеют ее законно...

– Для москвичей – это стандартная практика.

– Так, ладно б только так – что сделано, то сделано, но они ж собираются и Радчино забрать! Уже не прозрачно намекали.

– Что значит забрать? – удивился Кирилл, – есть же право на собственность или как там это называется...

– Кирилл, ты, вообще, в этой стране живешь или где? Какие права, если денег сунул и в момент все решил.

– Беспредел полный... – пробормотал Кирилл.

– ...*А ты как думал? Вася абсолютно прав; только ты один все витаешь в облаках,* – подал голос Ян, сразу сбросивший маску безразличия, едва уловил суть вопроса, – *тема, кстати, интересная, но заниматься ею не буду принципиально!..*

В дверях появилась Алена, и разговор прервался.

– Вы идете? А то рыбу греть придется.

– Вот еще, удумала, – Василий пожал плечами, – рыба,

Ален, в любом виде съедобная, даже в сыром. Идем, Кирилл, – он поставил удочку на прежнее место.

Стол был накрыт, и водка налита в рюмки.

– Умница, дочка, – Василий уселся за стол, – давай, Кирилл, за знакомство.

Алена чокнулась чашкой сока, и все выпили. Водку Кирилл не любил, но то ли играл роль свежий воздух, то ли сама обстановка – обычного противного вкуса он не ощутил; наоборот, в голове появилась легкость, требующая общения, как бывает после виски. Конечно, общаться хотелось с Аленой, но девушка, поймав его взгляд, смущенно отвернулась, и чтоб не молчать, Кирилл вернулся к прерванной теме.

– А товарищество ваше землю-то чего ж приватизирует? Сейчас ведь всякие там «дачные амнистии» и прочее.

– Так не дают, – Василий невесело усмехнулся, – мы ж люди еще социалистические, поэтому в 90-е, когда все всё рвали на куски, об этом не подумали, а теперь вдруг оказалось, что у нас здесь, то ли заповедник, то ли заказник – короче, возможна только аренда, которую, сам понимаешь, можно запросто расторгнуть; было б желание...

– Стоп! – Кирилл мотнул головой, – а тем москвичам кто разрешил в заповеднике строить?

– В том-то и фокус – для нас это заповедник, а для них – земли городского поселения. Ты видишь тут где-нибудь поселение? И я не вижу, но наши законы, что дышло – как повернул, так и вышло. Тут, знаешь, кто строит? Жена вашего

бывшего мэра; понятно дело, не лично и не себе, но застройщик – ее контора. И что, судиться с ней? Угадай с трех раз, кто победит.

Правильный ответ напрашивался с первого раза, поэтому Кирилл промолчал, и Василий, не дождавшись реакции, наполнил рюмки так резко, что Алена накрыла ладонью его руку.

– Пап, ты, главное, не волнуйся. Сам ведь говорил, что договор аренды еще действует – может, что-нибудь изменится...

– Да не может ничего измениться в этой стране! – Василий поднял рюмку, – давай, Кирилл, – и выпив, повернулся к дочери, – я вуз закончил хоть и технический, но философию учил лучше всяких юристов, которые сейчас у власти!

...Да ты, Вась, адекватный человек! – удивился Ян, – *а с виду и не скажешь! Если ты еще, сидя в своем медвежьем углу, понимаешь, куда эти «юристы» ведут страну...*

– *Слушай, – вмешался Кирилл, обрадованный реакцией «соседа», – так помоги ему! С захватом земли – это ж реально твоя тема! Ну, что ты встал в позу?*

– *В нашем бардаке, куда ни плюнь, все темы мои...*

– *Нет, ведь смотри, как все складно – тут тебе, и борьба за экологию, и продажность местных властей, и про семью мэра, прям, в ключе высказываний Президента...*

– *Блин, ты, оказывается, разбираешься в политической конъюнктуре?* – делано изумился Ян.

– Не надо из меня совсем дурака делать. Я серьезно говорю – материал «на ура» пойдет.

– Да кто ж против? Материал можно сделать убойный – тут сейчас и прокуратура нагрянет, и депутатские запросы косяками полетят; коттеджи конфискуют, передадут под какие-нибудь детские санатории...

– И в чем же дело?! – воодушевился Кирилл.

– Дело в том – я не хочу, чтоб тебе досталась вся слава.

– О, как! – Кирилл был сражен, — то есть ты не воспринимаешь нас, как части одного целого?..

– Все я воспринимаю! Но в данном случае есть нюанс — Алена на говно изойдет, являя тебе свою благодарность. Тут такая любовь-морковь начнется!..

– Ну, допустим... – смутился Кирилл, потому что и надеялся именно на такой исход, – а что в этом плохого?

– Да все плохое, – Ян пожал плечами, – не хочу, чтоб ты отвлекал меня от работы сопливыми переживаниями и воспоминаниями о страстных поцелуях; чтоб тратил мое время на поиски подарков к 8-му марта, тащил меня в этот гнусный городишко... или еще лучше, решишь забрать ее в Москву! Тогда, вообще, будет полная жопа! Она будет названивать тебе каждые полчаса, а мне придется выслушивать ее рыдания и объяснять, что интервью берут тогда, когда их назначают, даже ночью, а не когда ей хочется; начнутся сцены ревности – ты будешь краснеть и бледнеть, а я жертвовать работой, чтоб не волновать ее, да? Или я дол-

жен таскать ее с собой по всем мероприятиям и следить, чтоб она не нырнула в чью-нибудь койку? Знаешь, у меня голова занята тем, что дает нам обоим нормально жить, а ты собираешься загрузить ее херней!..

Быстро сориентироваться в потоке аргументов, Кирилл не успел, и Ян неожиданно предложил свой вариант.

– Хотя тема, действительно, «живая», — он вздохнул, — давай так – я влезу в это дело, причем, на сто процентов раскручу его, но обещаю, что ваши с Аленой отношения закончатся навсегда, как только мы сядем в поезд.

– А... – Кирилл открыл рот, и снова закрыл его.

– Что «а»? – Ян хитро прищурился, – ты ж любишь ее? А любовь жертвенна, так что, давай, как в кино: – Любимая, я спасу твой райский уголок, но мы должны будем расстаться, и я готов на это, лишь бы вы с папочкой были счастливы!.. Что, слабо? Не будь таким эгоистом, как я; влюбленные так не поступают – почитай классику...

Кирилл чувствовал себя загнанным в угол; загнанным так искусно, что любой из возможных вариантов, оказывался плох, но он всегда верил в чудо – в то, что кто-то свыше найдет неожиданный ход, способный все расставить по местам наилучшим образом. Поэтому тяжело вздохнув, сказал:

– Я согласен...

– Точно? – обрадовался Ян, – и не будешь канючить, что не можешь без нее жить? Не будешь мешать мне спокойно спать по ночам? Не будешь портить аппетит? Не будешь

на улице вырубать мои мысли – типа, а вдруг это она села в такси и надо ее срочно догнать? Не будешь...

– Ничего я не буду, – Кирилл не стал дослушивать полный комплект классических симптомов любовного сумасшествия.

– Хорошо. Но только попробуй не сдержи слово!..

– Слушай, Вась, – Ян бестактно прервал его беседу с дочерью, – если хочешь, я готов подключиться к твоей проблеме. Для этого мне, во-первых, нужны копии всех документов вашего товарищества со дня основания и до ответов из администрации, прокуратуры – куда вы там еще писали.

Отец с дочерью удивленно уставились на будто проснувшегося вдруг журналиста.

– Кирилл, – Василий покачал головой, – есть силы, с которыми бесполезно тягаться. Понятно, Аленка тебе нравится...

– Причем тут Аленка? Просто тема актуальная! А, насчет «бесполезно», я, Вась, губернаторам хребты ломал, а тут... тем более, сам знаешь, бывший мэр уже не в фаворе.

Алена смотрела во все глаза, пытаясь понять, как это так внезапно на месте славного Кирилла, за какую-то минуту оказался вчерашний мужчина, по одному слову которого, она безропотно пошла в гостиницу и... ну, и все остальное. Нет, она не боялась его – он умный, целеустремленный, а потому очень притягательный, но Кирилл казался... как-то роднее, что ли.

...Его зовут Ян, – вспомнила она, – я уж и выбросила его из головы... да похоже, и он меня...

– Так, что с бумагами? – Ян смотрел только на Василия.

– Бумаги в порядке, но они у председателя товарищества, а Сан Саныч пока еще в городе. Ты когда уезжаешь?

– Завтра вечером.

– Тогда я позвоню ему, чтоб сделал копии. Алена знает, где Сан Саныч живет. Съездите вместе, заберете.

– Отлично, – Ян хлопнул ладонью по столу, – а, во-вторых, надо сделать снимки шикарной нетронутой природы, процесс варварского строительства и сами коттеджи, в которых будут жить воры и взяточники. Можно организовать фотосессию?

– Можно, – Василий кивнул, – но только с реки – по берегу там все загорожено наглухо.

– Так поплыли, пока не стемнело, – Ян встал, и Василий, удивленный внезапным напором, поднялся следом. Алена подумала, что даже отец попал под влияние... нет, назвать этого человека Кириллом язык не поворачивался – под влияние Яна.

– Ален, прокатайся с нами? – отец уже стоял в дверях, но кататься с Яном ей не хотелось.

– Зачем? – она пожала плечами, – я лучше в комнате убе-ру.

Василий вышел крыльцо, где его ждал Ян, наблюдая, как у самых ног тихо плескала вода, покачивая лодку.

– Пойдем на веслах, – предупредил Василий, – пока особо никто не плавает, так что на шум движка охрана может выскочить; увидит, что фотографируют...

– Мне все равно – главное, до темноты пощелкать, – не снимая галош, Ян спустился в лодку.

– Пощелкаешь, – Василий настроил весла и погреб неслышно, как индеец в ГДРовских фильмах, которые он, в отличие от Яна, еще прекрасно помнил.

Лодка медленно двигалась мимо стоявших в воде деревьев. Ян с интересом смотрел по сторонам – теперь ведь ему предстояло писать об этом, да так, чтоб читатели прониклись духом мира, который может быть стерт с лица земли, и вдруг он поймал себя на том, что ему не хватает слов для описания грандиозного зрелища. На ум приходило «буйство стихии», «пробудившаяся природа» и прочие безликие штампы, не способные никого тронуть. ...*С другой стороны, читал я в детстве Паустовского – тугомотина!* – вспомнил он, – *любому современному человеку это на фиг не нужно – ему важно, сколько миллионов украли из бюджета на эти коттеджи...*

Радчинские домики скрылись из вида и начались бледно зеленые заросли, будто покрытые серебристым налетом.

– Верб зацвела, – сообщил Василий в паузе между гребками, – природа Бога чувствует – Вербное ж скоро.

– Неужто чувствует? – Ян усмехнулся, – хотя вам, диким племенам, виднее.

Обиделся Василий на «черный» юмор или нет, неизвестно, но дальше они плыли молча, пока водное пространство не сузилось, а радостные вербные заросли не сменились уродливым бетонным забором, за которым виднелись башенки недостроенного коттеджа; чуть в стороне поднялся еще один.

– Здесь берег высокий – паводок никогда сюда не доходит, – пояснил Василий, предвидя логичный вопрос.

– Неплохие домики, – Ян пару раз щелкнул камерой, – а чтоб стройплощадку было видно, можно? Вырубки, заборы, перекрывающие доступ к реке... ну, сам понимаешь.

– Сейчас все будет. Только, если честно, не верю я в силу прессы. Скандал, конечно, можно затеять, но его тихо погасят и ничего не изменится... – сделав еще несколько гребков, Василий опустил весла, – вон, смотри, – и Ян увидел варварски выкорчеванные деревья, лежащие могучими корнями вверх; бульдозер, наполовину сползший в котлован, аккуратные пакеты кирпичей, горы земли и мусора.

– О! То, что доктор прописал! – он снова навел камеру на берег, – а поближе можно подплыть?

– Можно, – Василий повернул лодку.

До берега оставалось метров двадцать, когда Ян принялся щелкать камерой; при этом автоматически срабатывала вспышка, и с берега раздался грозный голос:

– Кто, сука, позволил снимать? Это частное владение! Валите отсюда! Пристрелю! – из-за кирпичей появился мужчи-

на в камуфляже, с карабином в руке.

– Он чего, псих? – удивился Ян, – да если он только поднимет свою «дуру», я сгною его! – поймал в видоискатель красномордого охранника, который все-таки вскинул оружие. Звук выстрела вспугнул стайку мелких птиц, заметавшихся над водой, и эхом покатился дальше, подняв с дуба десяток отдыхавших там ворон.

– Ты, дебил! – заорал Ян, – я тебя засажу лет на восемь!

– Покойники не кусаются! – расхохотался стрелок, – валите или убью! – и для убедительности выстрелил еще раз.

Станным образом, пули не просвистели рядом и не плюхнулись в воду, оставив круги на зеркальной поверхности, хотя целился безумный стрелок однозначно в лодку.

Бесстрашно щелкнув еще несколько раз, Ян убрал камеру.

– Все, Вась, валим отсюда.

– Как скажешь, – затушив «бычок», Василий взялся за вёсла, и стрелок сразу опустил карабин.

– И больше чтоб тут не шастали! – крикнул он на прощанье.

– Нет, блин, я это так не оставлю, – было видно, что Ян поражен наглостью и чувством безнаказанности охранника, – не знаете, идиоты, с кем связались!..

Поскольку Василий молчал, а требовалось выплеснуть эмоции, он обратился к еще не пришедшему в себя «соседу»:

– ...О, втянул ты в историю!.. Тут пока до больницы доведут, кровью истечешь...

– Да уж... хорошо, что стрелок попался косой – ни разу не попасть в здоровенную лодку с двадцати метров!..

Фраза вернула Яна к явной нестыковке в произошедшем.

– Вась, – он устроился поудобнее, – мне кажется, тот козел стрелял холостыми. Я ж бывал в «горячих точках», знаю...

– Если б «козел» холостыми палил, – перебил Василий, – наши мужики давно б разнесли всю стройку на куски. Нет, Кирилл, у них все по-взрослому.

– Тогда ничего не понимаю. Я ж видел – он целил в нас!

– А оно тебе надо, понимать? – Василий перевел взгляд с потемневшей воды на журналиста, – пронесло, и слава богу.

Скорее всего, Яна б удовлетворил такой ответ, ведь даже самый блестящий репортаж – это все равно не роман, требующий экскурсов с глубоким анализом причинно-следственных связей, но Кирилл не дал ему просто кивнуть и отвернуться.

– ...Слушай! — он встрепенулся, – неужто тебе самому не интересно? Что ж ты такой примитивный! Уперся в одну тему и больше ничего не хочешь знать! А вдруг Вася обладает сверхъестественной силой и умеет, к примеру, отклонять пули?..

– Я не примитивный, – Ян погрозил «соседу» и в подтверждение сказал:

– Не, Вась, колись. Если знаешь хоть какое-то объяснение...

– Ты все равно не поверишь.

– Это мое дело, верить или нет! Ты расскажи.

– Ладно, – Василий перестал грести, – меня хранит Водяной, а раз ты со мной, значит, и тебя тоже. Не знаю, что он сделал конкретно – то ли туманом глаза Егорке застлал (этого охранника Егором зовут), то ли ствол в небо завернул, то ли проглотил пули, но одно знаю точно – на этой реке я в безопасности.

– Водяной?!.. – воскликнули Ян и Кирилл хором, правда, услышал Василий лишь насмешливый голос Яна, – ты, значит, веришь в сказки про водяных? Ты что, язычник?

– Не люблю ярлыки – без них проще жить. А, касаясь «сказок», верю я в них или нет, так скажу – каждый Бог открыт лишь для тех, кто в него верит – им он помогает, а для всех остальных он закрыт, то есть фактически не существует.

– Эти байки мы тоже знаем, – Ян махнул рукой, – а более реалистического объяснения у тебя нет?

– Я ж говорил, не поверишь, – Василий совсем не обиделся, и это смутило Яна, привыкшего биться за свои убеждения.

– Ладно, – вздохнул он, – допустим, некая таинственная сила, привязанная к реке, существует; природы ее мы не знаем, поэтому можем называть, хоть Водяным, хоть каким-нибудь энергетическим полем – не важно. Но тогда объясни, почему твой Водяной сам не разберется с коттеджами? Поднял бы уровень воды еще на метр. Что ему стоит, если он,

местный царь и бог?

– ...*Хороший вопрос!* – похвалил Кирилл, и Ян, в кои-то веки, подмигнул ему, как сообщнику.

– У него ж не спросишь, а версий несколько, – Василий закурил. Коттеджи давно скрылись из вида, и лодка, вернувшись на простор, ограниченный далеким темным лесом, спокойно дрейфовала в предвечерней тишине, – например, он хочет проверить, на что способны люди в борьбе за свою среду обитания – не все ж высшим силам оберегать их. Или, возможно, он не хочет приносить зло нам, уважающим его, ведь если еще поднять уровень, наши дома тоже затопит, а народ там, в основном, не богатый – восстанавливать будет не на что, и Радчино погибнет само собой...

– То есть, все-таки получается, Водяной – это реальный божок, которому вы поклоняетесь, – резюмировал Ян, – а как и где вы это делаете? У него есть алтарь или... как это поэтически, капище, да?..

– Его алтарь – река; зачем ему еще что-то? – Василий затушил сигарету и снова взялся за вёсла, – темнеет уже. Может, завтра утром поедете? А то сейчас и Вовку можете не найти, чтоб машину забрать – бухает, небось, с рыбаками, да и ты ж хотел еще природу поснимать.

– Поезд у меня вечером, так что... – Ян пожал плечами.

Лодка пошла быстрее, еле слышно всплескивая веслами. Сумерки сгущались, постепенно стирая далекий лес и превращая простор в серую бесконечность. Ян почувствовал се-

бя неуютно – наверное, веру в сверхъестественное отменяет исключительно сознание, а то, что находится глубже, потаеннее; то, что досталось нам от предков, всегда готово принять ее.

– ...*Ты чего там затаился?* – обратился он к «соседу».

– *Наслаждаюсь природой. Где еще такое увидишь?*

– *Согласен. Красиво,* – Ян вздохнул полной грудью, – *скажи, а ты что думаешь о Водяном?*

– *Вопрос поставлен некорректно. Водяного нельзя воспринимать отдельно – он часть пантеона, и тогда надо ставить вопрос о Боге...*

– *Давай поставим,* – перебил Ян, – *я считаю, Бог нужен тем, кто сам ничего не может. Например, я живу без него и прекрасно себя чувствую; и дальше проживу. А, вот, местные аборигены не могут ничего сделать с московскими рейдерами и потому придумали себе заступника. Разве нет?*

– *Да кто ж знает, как оно на самом деле?* – философски ответил Кирилл, и Яна это вполне устроило.

– *Знаешь,* – он зло прищурился, – *я теперь такой репортаж про это Радчино сделаю!.. Еще всякие уроды будут стрелять в меня!.. Когда в Дагестане со спецназом работал, то было понятно, но, чтоб тут, в российской глубинке?..*

Вдали появились темные домики Радчино, словно поднывавшийся из воды призрачный город. Выглядел он сказочно и в то же время пугающе реально; даже Ян заметил это, хоть ничего и не сказал, но Кирилл тоже без труда читал его

МЫСЛИ.

– А если Водяной – не сказка?.. – прошептал он зловеще.

– Слушай, — Ян взглянул недовольно, — давай не будем ломать нашу жизнь глупостями! Зачем ты хочешь перевернуть все с ног на голову? Это тебе кажется, что с Богом, как, кстати, и с любовью, живется легко и просто, а на самом деле...

– Ты просто боишься, и того, и другого! Вот в чем дело!..

– Ничего я не боюсь, но я привык решать конкретные задачи, получать за это конкретное бабло и заранее планировать на исполнение каких конкретных желаний его потратить. Разве это плохо или неправильно?

– Не плохо, — согласился Кирилл, — но если все будет происходить только по законам логики, то Егорка-стрелок не мог промахнуться с такого расстояния; а он ведь промахнулся.

– Наконец-то я тебя понял, — Ян улыбнулся, — мы ж говорим об одном и том же, только терминология разная — я предпочитаю слово «случайность», а ты — «чудо».

– Ну да, случайность проще...

– Так и я о том же! — обрадовался Ян, — зачем самому усложнять и без того сложную жизнь?..

– Смотри, — раздался взволнованный голос Василия, и Ян вздрогнул, прервав дискуссию с «соседом».

Он не понял, что надо увидеть, потому что воду заволочло дымкой. Зрелище, без сомнения, выглядело заворажива-

юще, но Ян видывал и не такие туманы – однажды, во время учений тихоокеанского флота, он чуть не «потерял» Большой Противолодочный Корабль, стоявший на рейде.

– ...*Да куда ты смотришь?* – воскликнул Кирилл, – *вон же!*

Ян повернулся в другую сторону – дымка там двигалась как-то странно, словно в ней возник крохотный локальный смерч. Она принимала неопишуемые ни математикой, ни системой сравнительных образов, фигуры, уверенно приближаясь к лодке.

– Водяной, – тихо объявил Василий, – он часто так бродит. Если на пути встретит сетку или перемет – утром будут полные рыбы; тысячу раз проверял. И еще, даже если потом пройдет ливень, вода будет чистая-чистая, но очень холодная.

Водяной прошел рядом, качнув лодку, и проследовал дальше, унося дымку с собой. Через несколько минут пространство очистилось полностью, и Ян увидел, что находятся они всего в десятке метров от дома, а на кухне горит свет.

– Другие объяснения есть? – спросил Василий.

– Если честно, не знаю, – Ян пожал плечами, – но, на мой взгляд, это какое-то физическое явление. Просто я ж не физик.

– Ну, считай, как хочешь, – Василий сделал последний гребок, и лодка ткнулась в лестницу. Быстро перебравшись на верхнюю сухую ступеньку, он привязал конец, чтоб гость

мог сойти с полным комфортом, и поднял голову, – весла уложи, пожалуйста, вдоль бортов.

Ян еще пытался придумать объяснение увиденному явлению, поэтому Кирилл, вынув весла из уключин, наклонился, и вдруг увидел на расчерченном заклепками днище маленький цилиндрик, который перекатывался в такт покачиванию лодки.

... – Блин! Это ж пуля!

Бросив «научные изыскания», Ян приподнял деревянную решетку под сиденьем.

– А вот и вторая, — он поднял точно такой же цилиндрик, – похоже, от «Сайгака», как был у Егорки. Но как они попали сюда, не пробив борт?

– Если только их не подбросил Водяной, проходя мимо...

– Да знаю я, какой «водяной» их подбросил! Я, когда писал о сверхспособностях, и не таких фокусов насмотрелся – это так, фуфло, рассчитанное на дураков, вроде тебя, – Ян выпрямился.

– Вась! Твои штучки? – он протянул пули, но тут, услышав голоса, появилась Алена.

– Где вы есть, ночь на дворе! Я уж волнуюсь! Тем более, пап, телефон ты оставил, номер Кирилла я не знаю. Нам же еще ехать, между прочим!..

– Утром поедете. Вовка, небось, пьяный давно спит, – Василий при этом разглядывал пули, – знаешь, Кирилл, я не собираюсь ничего доказывать, но объясни, зачем мне это нуж-

но?

– А что случилось? – встревожилась Алена.

– Ой, дочь, – Василий махнул рукой, – ну, не может человек поверить, что Радчино – это место особенное.

И тут Яна осенило. Самостоятельно выбравшись из лодки, он покровительственно положил руку Василию на плечо.

– Сейчас объясню, для чего это нужно.

– Идемте ужинать – вы ж целый день голодные; потом объяснишь, – Алена вернулась в дом, и мужчины вошли следом.

На столе появились остатки обеда, и в кои-то веки, Ян выпил рюмку водки с удовольствием.

– Значит, объясняю, Вась, твой план.

– Давай, – Василий улыбнулся.

– А план простой – доказать, как ты сам сказал, что Радчино – место особенное, и, соответственно, объявить тут аномальную зону. Сейчас это модно – где-то являются призраки времен войны, где-то находят следы йети, у кого-то вампиры режут коров, но Водяного еще нигде не было. Понаедут уфологии, а еще лучше – молодцы из группы «Днестр»; эти всегда что-нибудь находят...

– Я понял мысль, – Василий вновь наполнил рюмки, – только этого-то я и боюсь больше всего, поэтому давай решим сразу – если все-таки соберешься писать статью, пиши только о незаконном строительстве и никаких Водяных. Иначе вообще ничего не надо. Договорились?

– О, как! – Ян замер с поднятой рюмкой.

– Именно, так. Я как раз не хочу, чтоб сюда наехали разные экспедиции, а пуще того, толпы любопытных, которые засрут все окрестности. Веришь ты в Водяного или нет, но мы-то с ним дружим – это мой сосед по коммуналке. Тебе приятно, если б в твоей квартире шлялись толпы экскурсантов?

– Нет, – Ян выпил.

– Поэтому повторяю – не надо никаких сенсаций. Мы здесь живем, нас это устраивает и больше никого не касается.

– Тогда, точно, не понимаю, зачем ты подкинул пули, – признался Ян – придумывать новую версию мешала вторая выпитая рюмка и слишком быстро наполнившийся желудок.

– Пап, какие пули? – Алена уставилась на отца, – немедленно говори, что стряслось!

– Да ничего не стряслось – Егорка чудит, как всегда... – Василий принялся вкратце пересказывать «партизанский рейд» к коттеджам.

...Что-то меня все это утомило... да и водку уже сто лет не пил... хорошо хоть не самогон... – Ян зевнул

Кирилла же, бездействовавшего весь день, водка, наоборот, взбодрила – он смотрел на Алёну, и мечты рождались самые замечательные. Правда, Ян без труда проник в них.

– ...Давай-давай – времени у тебя не много, а я отдохну; не буду мешать трогательному прощанию. Так что до отъезда твори все, что хочешь, но потом...

Что должно быть потом, Кирилл прекрасно помнил,

но водка великая вещь – она способна изменить самое категоричное «нет!» на вполне приемлемое «а вдруг все-таки?..»

Незаметно, под столом, он нащупал Аленину руку. Наверное, взгляд Кирилла сильно отличался от Яна, потому что девушка, стрельнув глазами в его сторону, неожиданно улыбнулась. Василий сразу замолчал – недосказанная история никуда ведь не денется, ни завтра, ни даже через месяц.

– Ладно, – он поднялся из-за стола, – пойду «Новости» посмотрю, а то, может, уже третья мировая война началась.

– Мудрый у меня папка, да? – прошептала Алена, когда дверь в жилую часть дома закрылась, – пойдем на улицу, а то он вечно накурит – это единственный его недостаток.

Они вышли на лестницу. В небе висела дынная долька луны, переливались бесчисленные россыпи звезд, заворачивающе пахло рекой, которая тихонько плескала под полом, а вокруг стояла волшебная тишина, готовая произвести на свет любые чудеса. Обнять Алёну было очень просто, потому что вся принадлежавшая людям суша занимала лишь пару квадратных метров рифленого железа, но девушка и сама прижалась к Кириллу.

– Ты не обижайся, но сегодня я трахаться не буду. При отце как-то, знаешь... короче, я стесняюсь.

– А там одна комната?

– Комнат две, но между ними фанерка. Не, он ничего не скажет, но я сама не так себя буду чувствовать, понимаешь?

– Понимаю, – Кирилл поцеловал ее сначала в нос, потом в лоб, в обе щеки, – это не главное...

– Правда? – обрадовалась Алена, – а что, главное?

– Главное, что ты мне нравишься.

– Только и всего? – Алена вздохнула, – ты ж взрослый, умный мужчина и понимаешь, что завтра каждый из нас вернется к своей обычной жизни, а потому нравимся мы друг другу или нет, как раз совсем не главное... а что главное, я не знаю, – улыбаясь, она очертила рукой выползшую на свободу, огромную ночь, – может, все это?..

– Слушай, почему ты торчишь в администрации? Ты совсем не подходишь для такой конторы.

– Там платят, – Алена пожалала плечами, – да и потом я еще не в том возрасте, чтоб, как отец, уйти от людей и общаться только с Водяными; я и клубы люблю, и мужчин; машину, вот, купила... но без этого, – она снова показала в ночь, – я тоже не могу. Оно должно быть, чтоб в него можно было спрятаться, когда грустно. Ты меня понимаешь?

Кирилл понял так ярко и так близко к сердцу, что, наплевав на договор, поднял лицо девушки и глядя в глаза, тихо сказал:

– Я люблю тебя. Хочешь, поедem со мной в Москву?

– ...Э-эй! — взвился мгновенно очнувшийся Ян, – *ты чего, придурок? Ты ж дал слово!..*

– *Как дал, так и возьму обратно!..*

– В Москву?! Да боже упаси! – Алена расхохоталась, –

на фиг, она мне сдалась? Хотя за предложение, спасибо. И не смотри, как на идиотку. Была я в Москве не раз – мне там душно... там все какое-то не мое, понимаешь?

– В смысле, там нет Радчино?

– Не только. Радчино – это материальное воплощение того, что мне хочется видеть рядом.

...*Блин, как четко она формулирует мысли!* – восхитился Ян, уже боявшийся оставить «соседа» без присмотра, и пока Кирилл растерянно молчал, спросил:

– Если Москва тебе не нужна; если ты знаешь, что будущее у нас нет, то почему осталась вчера? Ты ж, вроде, не проститутка.

– Я, точно, не проститутка! А почему осталась?.. Честно?.. Не знаю. Наверное, так было надо...

– Кому?

– ...*Да заткнись ты со своей логикой!* – спохватился Кирилл, чувствуя, что упускает инициативу.

– Откуда ты знаешь, что будущего у нас нет? – спросил он.

– Хочешь сказать, пути Господни неисповедимы? – она засмеялась, – может, оно и так, но, понимаешь, я не люблю чем-то жертвовать сама и не признаю глупых жертв у других. Не въехал? Я к тому – если ты сейчас скажешь, что ради меня готов уехать из Москвы и писать в наши газетенки статьи про битву за урожай, я тебе отвечу – не сходи с ума. Я не стою того, чтоб ломать карьеру, но когда ты поймешь это сам, будет поздно – в Москве тебя уже забудут. В итоге

ты возненавидишь меня, себя и весь мир. Так что этот дурацкий разговор можешь даже не начинать. Я в Москву тоже не поеду. И что у нас получается?..

– ...Ну, девка дает! — в очередной раз восхитился Ян, — таких я еще не встречал! Слышь, «сосед», я буду гордиться, что спал с ней! Ей-богу!..

Но Кирилл молчал, ощущая, как одна за другой отошли страховочные мачты, и «ракета», устройство которой поначалу казалось хорошо известным, уносится ввысь, превращаясь в прекрасную недостижимую звезду. Это было ужасное ощущение, но как остановить уже запустившиеся двигатели, он не знал.

...Что-то меня на космос потянуло, — подумал он, анализируя возникший образ, — ну да, наверное, потому что оттуда нельзя вернуть того, кто сам не захочет вернуться...

– Чего ты замолчал? Расстроился? — Алена взяла Кирилла за руку, — не надо. Я ж сказала правду. Зачем играть в глупые игры?

...Она, действительно, необыкновенная! — от пассивности Яна не осталось и следа, — она такая же, как я!.. Сейчас ей надоест смотреть, как этот недотепа размазывает сопли — размазывают, либо кровь, либо говно, а сопли никто не любит...

Кирилл еще громоздил конструкцию из бессмысленных космических образов, когда Ян прижал Алену к себе.

– В Москву я тебя и не зову.

– Правда? – заинтересовалась Алена, уловив какие-то новые, отличные от прежних, интонации, – передумал?

– Просто это особый город. Туда стоит приезжать, если настроен биться и покорить его. Там нет смысла просто жить – он не приспособлен для этого; там все дорого, все расположено далеко... и, вообще, там сложно.

– Ты на сто процентов прав, – Алена кивнула, – москвичи – это состояние души, а я не ощущаю настроения на борьбу.

– ...*Спасибо, выручил*, – обрадовался Кирилл, полностью потерявший нить общения, но Ян отмахнулся.

– *Да пошел ты!..*

Он крепче сжал Алены плечи.

– К вам я, конечно, не перееду даже ради тебя – тут ты сама все правильно сформулировала, но ты ж не можешь не согласиться, что нас тянет друг к другу?

– Не согласиться не могу, – Алена вздохнула.

Кирилл от удивления потерял дар речи. То, что происходящее не соответствовало привычной логике «соседа», было полбеды; беда заключалась в том, что после ответа Алены он окончательно почувствовал себя лишним, словно растворившимся в «соседе». Действительно, зачем он нужен, если тот исполняет его функции и его желания?

– Значит, – продолжал Ян, – надо искать компромиссный вариант. Это ж не умно – осмысленно мучить друг друга.

– Экое слово-то подобрал – «не умно», – Алена покачала головой, а потом кивнула, – я б хотела найти такой вариант.

Давай встречаться где-нибудь в Рязани или в Липецке... О! Лучше – вычислим деревню, чтоб точно посередине между нами и Москвой, купим там хату...

– Плохой вариант. Это ж рутина – созвонились, съехались, бросив дела, которые все равно не выходят из головы; переспали и с радостью помчались обратно – дела-то ждут, время потеряно.

– Слушай, что ж ты такой умный? Насчет поездок, я, конечно, загнула; тогда уж проще пожениться, чем тратить деньги на дорогу – эффект-то получается тот же, да?

...Какая ж она умница!.. А ты – дебил, – Ян повернулся к Кириллу, заморожено слушавшему этот фантастический диалог влюбленных мужчины и женщины.

– Ну, а твои предложения? – Алена вывернулась из объятий, чтоб лучше видеть лицо собеседника.

Момент был кульминационным, но Бог (или Случай) – великий драматург, потому что всегда умеет растянуть его, держа в напряжении нервы и чувства «актеров».

– Слушайте, голубки, – из дома появился Василий, – завтра вы, когда едете?

– Ой, пап... – Алена задумчиво почесала нос, – лучше пораньше. Мне ж на работе хотя б с обеда надо появиться – с утра-то, если что, девчонки прикроют... а до этого съездить с Кириллом к Сан Санычу...

...На фиг, Сан Саныч этому придурку? – Ян раздраженно обернулся, но Кирилл лишь беспомощно развел руками, –

блин, послал бог «соседа»!..

– Короче, – Василий прервал Аленины рассуждения, – Вовка бухает, но я позвонил ему, поэтому знаю, где ключ от стоянки, так что решайте – когда скажете, тогда и отвезу.

– Пап, давай часов в шесть.

– В шесть, так в шесть, – Василий посмотрел на часы, – сейчас полпервого. Вы спать совсем не собираетесь?

– Ты что, пап! – глаза Алены округлились, – мне ж на работе надо быть цветущей. Идем? – она повернулась к Яну.

– Вопрос, конечно, бестактный, – Василий смешно потер небритую щеку, – белья сколько доставать? На одну постель?

– Пап, – укоризненно перебила Алена, – сегодня, вот, на две.

– Зря, – пожав плечами, Василий ушел обратно в дом.

– Я ж тебе говорила, – Алена засмеялась, – и все равно стесняюсь. Ну, такая, вот, я странная девочка.

– Ты, классная девочка, а остальное, мелочи, – Ян притянул ее к себе.

Так они не целовались даже вчера ночью, и когда их губы разомкнулись, Алена глубоко вздохнула.

– Уф!.. Если ты и дальше будешь таким, я, правда, влюблюсь. Тебе оно надо?

Кирилл уставился на «соседа», ожидая яростного протеста против «всяких глупостей», но тот предательски промолчал.

Василий остался в маленькой комнате, где стоял телевизор, а гостям постелил в большой, со старым платяным шкафом, запасными веслами и рыболовными снастями, разложенными на столе и подоконнике. Больше они не обнимались и не целовались; правда, когда Алена, потушив свет, стала раздеваться, Ян, на всякий случай, спросил:

– Ну, что?

Вопрос мог относиться к чему угодно, вплоть до мирового экономического кризиса, и Алена ответила соответственно:

– А все нормально.

Старенькие диваны заскрипели. Ян закрыл глаза, и тут же к нему подскочил Кирилл.

– *Что ты делаешь? Это моя девушка!*

– *Послушай, –* голос Яна казался усталым, *– это наша девушка. Не забывай, мы ведь единое целое...*

– *Эк, ты запел!*

– *А я сегодня добрый, и не зли меня, пожалуйста.*

Как вести себя с «добрым Яном» Кирилл не знал, потому что никогда его не видел. Пауза возникла длинная; ее хватило как раз, чтоб Ян отключил сознание, уплывая в фантазмагорию снов, и потянул Кирилла за собой.

*

– Третья рота, подъем!

И Алена, и Ян одновременно вскинули головы, в которых

еще витал туман не отложившихся в памяти сновидений.

– Пап, да ну тебя, – Алена сонно зевнула.

– Время полшестого, – объявил Василий, – вам еще надо умыться, поесть, а я пойду движок на лодку поставлю.

– Есть я не буду, – Алена потянулась, – я лучше искупаюсь.

– ...*Она с ума сошла!* – воскликнул Кирилл, но Ян, за ночь, видимо, переставший быть добрым, усмехнулся.

– *Заткнись, размазня! Эта девочка не для тебя, понял?..*

– Пап, выйди; а ты, Кирилл, отвернись, пожалуйста, – попросила Алена. Василий вышел, и Ян толкнул «соседа».

– ...*Отвернись, слышишь! Тебе ж сказали!* – но сам лишь прищурил глаза, наблюдая, как Алена сменила трусики на ярко-желтые плавки и ловко надела верхнюю часть купальника.

– Можешь смотреть, – объявила она, – ты пойдешь?

Кирилл чуть не крикнул «Да!», стараясь хоть в чем-то опередить конкурента, но Ян одним движением закрыл ему рот.

– *Молчи, идиот! Ты-то куда собрался? Лед неделю назад сошел! Она всю жизнь плавает, а ты утонешь, как утюг.*

– *Это да...* — мигом остыл Кирилл.

– Так что? – Алена стояла посреди комнаты и улыбалась.

– И буду ходить по городу с мокрой жопой, да? Неудобняк, – Ян откинул одеяло, – я уж так – рожу протру и хватит.

– Как хочешь. Наше дело предложить, – Алена вышла

и через минуту за тонкой стеной послышался громкий всплеск.

Ян похлопал «соседа» по плечу.

– ...И что ты собирался делать с такой девкой? Ты ж по жизни будешь у нее подкаблучником!.. Но в чём-то я тебе очень обязан: как говорят гребанные поэты – ты растопил ее сердце. Так что не расстраивайся.

– А как мы будем... – Кирилл пытался подобрать достойную формулировку, но Ян рубанул с плеча:

– Как мы будем ее делить? А зачем? Член-то у нас один на двоих, так что нечего делить. Еще вопросы есть?

– Нет. Хотя есть! Вчера ж ты так и не сказал, что можешь ей предложить – ну, чтоб как-то быть вместе.

– Не волнуйся, предложу – есть у меня в рукаве шикарный козырь, – увидев неподдельный испуг «соседа», Ян рассмеялся, – да не бойся – куда ж без тебя? Как ни крути, она все-таки не железная – когда-нибудь и ей нужно поплакаться в жилетку, а я на эту роль не гожусь.

– Правда? Ты так думаешь? – от радости Кирилл чуть сам не расплакался, – это получается, теперь мы не просто соседи, а, можно сказать, братья?

– Ага, молочные. Пошли, братец...

Натянув джинсы и рубашку, Ян прошел через кухню, где на столе снова стояла тарелка с рыбой, и вышел на крыльцо. Василий был уже там, наблюдая за дочерью, уплывшей от дома метров на двадцать. На звук шагов он обернулся, и когда

Ян встал рядом, тихо спросил:

– Не, то не мои проблемы, но у вас это серьезно или так?

– Вась, а ты, значит, считаешь, что она могла привезти с собой первого встречного? Или что, она много мужиков уже сюда перетаскала?

– Да ни одного! – Василий усмехнулся, – что и пугает.

– Вот, пусть ничего тебя не пугает. Мы сами во всем разберемся, договорились? А ты тут с Водяным пока разберись – чего это он решил нам пульки-то подкинуть?

– Разберусь, – вздохнул Василий, – лучше скажи – думаешь, от твоей статьи будет эффект?

– Да что статья! Я ж снимки сделал, как этот урод стреляет в нас – я сейчас прокуратуру подключу... ох, Вася, тут такие разборки начнутся! Главное, чтоб у вас бумаги были в порядке, а то загремите со своим Товариществом в общей куче, – мысли Яна мгновенно вернулись к работе, поэтому, когда Алена поднималась по лестнице, Кирилл успел подскочить первым и подал ей руку.

– Вот, зачем ты оделся? – она засмеялась, – сейчас бы как прижалась к тебе!

Кириллу хотелось этого, но помня о «брате», он сказал:

– Не, не надо, – и коснувшись губами мокрого, холодного плеча девушки, опасливо оглянулся – Ян смотрел на него как-то подозрительно задумчиво, и Кирилл испуганно спросил:

– ...Ты чего?

Но Ян лишь покачал головой и ничего не ответил. Кирилл не стал лезть в его мысли, поверив, что действительно не произошло ничего особенного.

Приключение, под названием «Радчино», окончательно закончилось, когда Алена села за руль.

– Сейчас посмотрим – какой ты водитель, – Ян устроился на пассажирском месте, – годишься ли для сумасшедшей Москвы?

– Не гожусь, по определению, – поднимая рябь на воде, Алена развернулась, – я вчера тебе уже говорила.

– Ну, ситуации меняются; отсюда меняются и желания...

– Да не поеду я в Москву!

– Успокойся, никто тебя туда не тащит. Это я шутил, а, если хочешь, поговорим серьезно.

В принципе, Алена была готова к подобной развязке, но все равно стало очень обидно; в сердцах она втопила газ, подняв на лугу волну.

– Ты не поняла...

– Все я поняла! – девушка дернула локтем, хотя Ян и не пытался коснуться его.

– ...*Мы теряем ее!* — Кирилл в отчаянии схватился за голову.

– *Что, фильмов про врачей насмотрелся?* – усмехнулся Ян, – *смотри и учись...*

– Перестань, глупенькая, – произнес он ласково, – лучше

послушай меня. То, что народу сливают через СМИ о положении в нашей экономике и политике, сплошная ложь.

– Очень актуальная информация, – Алена усмехнулась.

– Да ты дослушай!

– Ладно, слушаю, – равнодушно согласилась Алена – это была возможность углубиться в собственные мысли.

– Я вхож в, так называемый, «ближний круг», поэтому имею возможность анализировать реальные факты. Понимаешь?

– Нет, – Алена пожала плечами, – не понимаю, причем тут я.

– При том, что ты сама хотела серьезного разговора!

– Но не до такой же степени...

– Ты можешь без комментариев? – Ян начал злиться.

Кирилл, естественно, ощущал это; точно так же как мгновенно узнал, что именно «брат» собрался предложить Алене, и не мог поверить. Конечно, это был сильнейший ход, но раскрывать главную тайну, о которой не знал вообще (!) никто, после двухдневного знакомства?.. Сам бы он, точно, не отважился, а, вот, Ян собирался это сделать!

– ...*Слушай*, – он схватил Яна за руку, – *ты – гений! Я даже не ожидал! Знаешь, как ты поднялся в моих глазах!..*

– *Неужто? А она, вот, даже не хочет меня выслушать!*

– *Но она ж рассказывала, как ее обманывали! Потому и относится к тебе, как к другим!*

– *А ко мне не надо относиться, как к другим! Иначе и я*

буду относиться к ней, как к другим!

– Господи, какие ж вы оба...

Фраза являлась законченной и ее не требовалось опошлять конкретным определением. Возникла пауза, которую нарушила Алена.

– Так что там интересного в твоём «ближнем круге»? – она успокоилась, поставив предсказуемый крест на их отношениях, и теперь ей хотелось хотя бы послушать из «первых рук» свежие московские сплетни.

Под жалобным взглядом Кирилла Ян вздохнул.

– Если коротко и не вдаваясь в детали – эта страна катится к закату; и идеологическому, и экономическому. Предотвратить его практически невозможно, и дело лишь в сроках. Здравомыслящие аналитики отводят ей жизни года три...

– Я не верю, – Алена выбралась на асфальт. Впереди больше не было скрытых водой ловушек, и она повернулась к собеседнику, – с чего ты взял? По-моему, наоборот, наконец-то наступила стабильность.

– У нас, знаешь, что является мерилем стабильности? Наличие в магазинах хлеба, водки и колбасы. Все – жизнь прекрасна, а остальное как-нибудь переживем, так ведь?

...Ну, не пугай ты ее! – взмолился Кирилл, – *зачем? Ты просто предложи...*

– Заткнись!..

– Алэн, – продолжал Ян, – могу разложить тебе по полочкам всю историю нашей Перестройки, от ее пафосного нача-

ла до трагического завершения. Легко и просто. Или ты веришь в рост ВВП на 0,7% за квартал? Это же бред! Не подсчитывается такой рост, хотя бы потому что до 2% – это пределы статистической погрешности! А, вот, бюджетная дыра в триста миллиардов, о которой вам не говорят, это реальность! К концу года она достигнет полтриллиона! И латать ее нечем – промышленность стоит на коленях, а нефтью нашей все уже нажрались, аж из ушей капает! Тебе еще что-нибудь рассказать?

И тут Алена испугалась; испугалась уверенности, звучащей в голосе, а сам Ян вдруг предстал мрачным пророком, спустившимся с заоблачных столичных небес. Правда, состояние растерянности длилось не больше минуты – потом Алена мысленно оглянулась на окружавший ее мир, обустроенный супермаркетами, веселыми ночными клубами, автомобилями, число которых зримо росло с каждым днем, а главным были люди, спокойно и уверенно строившие планы на ближайшее десятилетие. И Алена улыбнулась.

– Не надо ничего рассказывать. Просто скажи – и что, по твоему мнению, будет дальше?

– А дальше будет русский бунт, бессмысленный и беспощадный; такой, что семнадцатый год покажется сказкой про Белоснежку. Убивать будут не только тех, кто служил власти, но и их детей, внуков, чтоб следа не осталось! Сперму будут отстирывать с простыней!..

– Прекрати! – последний образ почему-то особенно впе-

чатлил Алену, – я согласна, не все у нас гладко, но сейчас, вроде, и с коррупцией стали бороться...

– Да не может эта власть бороться с коррупцией! Коррупция – наш общественный строй! А смена общественно-го строя происходит только революционным путем. Ну да, кого-то сажают, но это не борьба; это Система отторгает нарушивших главное правило игры. Знаешь, какое? Нельзя резать дойную корову – ее надо только доить, пока сама не сдохнет.

– Страшно тогда... – Алена задумалась.

– Страшно, – кивнул Ян, – вот, я и не хочу, чтоб ты бегала тут под пулями, а бегать придется – как ни крути, ты к этой власти тоже имеешь отношение, и в эйфории новой свободы никто не станет разбираться, что ты – только девочка на побегушках и лишь тупо селила в гостиницы московских «пупков»... за дорогой следи!

Испуганно вывернув руль, Алена метнулась к обочине, заканчивавшейся глубоким кюветом, и чудом не угодив в него, вернулась к белой прерывистой линии. Фура, возникшая словно ниоткуда, пронеслась мимо, и дорога вновь опустела.

Пока Алена приходила в себя после маневра, изучавшегося в автошколе лишь теоретически, Кирилл подскочил к Яну.

– ...Ну, зачем ей все эти ужасы? Может, и вообще все еще обойдется! Ты просто скажи, что любишь ее! Скажи, ну!..

– Так что там по поводу спермы? – успокоившись, Алена

повернула голову.

– Со спермой у нас полный порядок – сама знаешь.

Кирилл вмиг съежился, и эта очередная победа над глупым сентиментальным «братом» подняла Яну настроение.

– Короче, – он хитро прищурился, ожидая реакции, – когда начнется кровопускание, я могу увезти тебя из этого дурдома. В замечательной стране Австрии, где на ближайшие двести лет не намечается никаких революций, есть городок Зальцбург, родина Моцарта, между прочим; а под тем Зальцбургом есть у меня славный домик и клочок земли.

– Правда?.. – глаза Алены округлились, – ни фиги себе!

Не раз виденные по телевизору остроконечные крыши, узкие мощеные улочки и танцующие люди в тирольских шляпах поглотили рисовавшийся минуту назад кошмар; да и на лице Яна появилась улыбка, сразу превратив мрачного пророка в ловкого фокусника.

– Уф!.. А я, дура, уж вся испереживалась за судьбы Родины, – Алена засмеялась, – то есть, ты так нестандартно приглашаешь меня в гости?

– Просто я хочу спасти тебя.

– Знаешь, а мне нравится, – Алена окончательно развеселилась, – роль любовницы... это все-таки как-то унижительно; стать женой я пока не готова, да мы и почти не знакомы, так что спасай!.. – великодушно разрешила она, – слушай, а без грядущего катаклизма мы не можем съездить туда? Не насовсем, а так, на пару неделек.

– Запросто. Репортаж только сдам...

– Не, Кирилл, я серьезно.

– Да не Кирилл я! Кирилл – это мое, так сказать, прошлое.

Ну, вспомнил о нем, раз уж твой отец так не любит поляков, а реально никакого Кирилла давно нет, – Ян победно взглянул на окончательно потерявшегося в ситуации «брата».

– Так не бывает, – покачала головой Алена, – прошлое никогда не исчезает без следа. Вы с Кириллом должны как-то уживаться; причем, вы оба мне симпатичны, каждый по-своему...

– ...*Нет, ты слышал!* — от счастья Кирилл даже захлопал в ладоши, – *мы оба!*

– *Да погоди ты!* – отмахнулся Ян, – *думаешь, я не догадывался?* – но вслух сказал:

– Это называется раздвоение личности, а человек должен быть цельным, чтоб чего-то добиться.

– Мне кажется ужасно скучным только и делать, что чего-то добиваться...

– Тебе, вот, кажется. В этом, кстати, одна из главных проблем – мы оцениваем чужое счастье теми мерками, которые заготовили для себя, а оно у каждого свое. Не согласна?

Несколько минут Алена молчала; потом вздохнула.

– Здесь, возможно, ты прав.

– А в чём я не прав?

– В отношении будущего России. В плане власти я, наверное, согласна с тобой, но тут еще остались Лешие, Водяные

и еще много кого, кто не позволят испоганить свою территорию.

– Короче, да поможет нам Бог?

– Типа того. Но ты, конечно, в Бога не веришь?

– Ну... – это был редкий случай, когда Ян не смог быстро сформулировать ответ – с одной стороны, ему не хотелось огорчать Алёну, но, с другой, на подобные вопросы лучше сразу говорить правду, чтоб не юлить потом всю оставшуюся жизнь, – конечно, не верю.

– А Кирилл?

– ...*Я верю!* — воскликнул тот, – *это ведь он спровадил в командировку Костю Орехова, отменил автобус, чтоб на такси мы успели вернуться; он забрал к себе бабу с козой!..*

Ян скептически взглянул на восторженного «брата».

– Черт его знает, того Кирилла. Мутный он какой-то.

Нагромождение разнокалиберных высоток становилось все ближе, и Алёна сменила тему:

– Давай заедем к Сан Санычу – тут по дороге, а потом кину тебя, куда скажешь. Извини уж, но мне надо хоть марафет навести, а то сегодня шефы возвращаются; наверняка будут собирать всех.

– Чуть не забыл! – Ян с радостью вернулся к знакомой реальности, – координаты-то оставь, а то куда я статью сброшу?

– Легко, – Алёна протянула визитку, – а ты свои?

– А надо? Все равно ж звонить не будешь.

– Кто знает?.. Хотя не хочешь – как хочешь, – Алена свернула во двор и остановилась, – тут у нас живет Сан Саныч.

– Пошли вместе, а то сейчас объяснять ему, кто я, да откуда, – выйдя из машины, Ян оглядел уродливо опиленные деревья, ржавые качели и мусорные контейнеры, от которых тянуло гнилью. ...*Явно не Радчино. Лучше б, правда, жил там какой-нибудь Водяной, чтоб охранять такое место... а, может, он там и живет, иначе откуда б Вася взял пули?.. А, может, тогда и Бог есть? Кто-то ж веками вытаскивает эту страну из крови и безумия. Одни люди вряд ли способны на такое... Блин, что-то совсем эта Алена задурила мне голову – так не долго скатиться на один уровень с моим отмороженным «братцем». Колодин, твою мать!.. Хотя, похоже, все они тут Колодины – всем нужен какой-то Бог... блин, а ведь в этом «колодизме» и есть загадка гребаной русской души! В то время, как надо просто работать – тогда все неразрешимые загадки как рукой снимет!..*

Они поднялись на третий этаж, и Алена позвонила.

Открыл Сан Саныч быстро, но в квартиру не пригласил. Ян, правда, успел увидеть трех пацанов с визгами бесившихся на диване; растрепанную женщину, безуспешно звавшую их к столу с дымящимися тарелками; из другой комнаты слышался мужской голос, возмущавшийся не выглаженной рубашкой. Это походило на сцену из плохой комедии, и сам маленький лысый хозяин в линялой футболке прекрасно вписывался в нее.

Яну он молча пожал руку, а у Алены поинтересовался, как поживает отец, и протянул раритетную папку с завязками. На том аудиенция закончилась, так как из комнаты заорали, что «его бешеные внуки ничего не жрут». Дед поспешил на помощь, по ходу цепляя на круглое добродушное лицо маску строгости.

– Хочешь такую жизнь? – спросил Ян, спускаясь вниз.

– Пока нет, – Алена уверенно покачала головой, – но когда-нибудь придется. Не троих, конечно... или ты другого мнения?

Ян обернулся к «брату», но тот растерянно молчал.

– ...*Ссышь, когда страшно?* – Ян усмехнулся и ответил сам:

– А чего такого? Тебе ж не придется кувыркаться с кашами – на то имеются специально обученные люди; и рубашки гладить не придется...

– Лучше б ты так не говорил, – Алена уселась за руль.

– Почему?

– А я теперь буду долго думать и неизвестно, к чему придду.

– Ну, думай, – Ян захлопнул дверцу, и машина аккуратно выехала из двора.

Наверное, Алена восприняла совет буквально, потому что до самой гостиницы они ехали молча; да и там она не стала выходить, а дождавшись, пока Ян сам подойдет к водительской двери, опустила стекло.

– Поезд у тебя во сколько?

– Не заморачивайся, – Ян махнул рукой, – как в народе говорят? Долгие проводы – лишние слезы, да?

– Типа того. Ну, тогда пока.

Стекло поднялось, а еще через минуту машина аккуратно втиснулась в поток и затерялась среди таких же безликих железных коробок. Ян оглянулся на «брата» и усмехнулся.

– ... Чего вылупился? Говори!

– Ты – идиот! Что ты собираешься делать дальше?

– Я собираюсь заняться Радчино – надо глянуть бумаги, пока не уехал, а то потом этого Сан Саныча с собаками не найдешь; дальше начну лепить репортаж – основную работу эж тоже никто не отменял...

– Ты о чем?! – вспыхнул Кирилл, – какое Радчино? Какой репортаж? Ты понимаешь, что так не расстаются с самой прекрасной девушкой на свете! Звони ей сейчас же!

– Да пошел ты! – огрызнулся Ян, – у меня работы выше крыши! Хочешь, сам звони.

– Я? Ты мне доверяешь?..

– Доверяю – не доверяю... Тебе все равно делать нечего! Чем, вот, ты занимаешься, пока я деньги зарабатываю?

– Ну...

– Хрен гну! Только жрешь, спишь и портишь мне нервы! Хоть раз сделай сам что-то реальное, а меня не доставай!

– Ладно, – Кирилл неуверенно достал мобильник, – а можно я скажу, что люблю ее?

– Да говори, что хочешь! Черт с тобой!

Конец

Из Цикла «Логики»

Мужская логика

– Киска, я ушёл, – послышался из коридора Костин голос.

Маша, с одним накрашенным глазом, выглянула из ванной, чтоб поцеловать мужа, но дверь уже захлопнулась. Вздохнув, она выключила свет – раньше он никогда не уходил, не приласкав её, не пожелав удачного дня. Как же давно это было!.. Теперь даже ложась спать, он отворачивался к стенке, порой забывая сказать «спокойной ночи».

...И правильно, что он больше не называет меня по имени, – подумала Маша, – «киска». Я и есть его киска, которую надо кормить и выгуливать. Можно погладить, если делать нечего, а остальное время пусть спит на диване или играет с бумажным бантиком... Настроение испортилось. Впрочем, нельзя сказать, что до этого оно было каким-то особенно радостным.

От мыслей, постоянно роившихся в голове, Маша не чувствовала себя отдохнувшей, но открывая глаза задолго до того, как прозвонит будильник, все равно не могла заснуть снова. Желание спать вернётся потом, на работе, когда ближе к двенадцати она начнёт клевать носом прямо у компьютера. Срочно потребуются допинг, в виде большой чашки кофе,

который заваривает Танька, сидящая на кассе – только она умела делать кофе, способный её взбодрить; у самой Маши всегда получалась бурда с непонятным вкусом и цветом.

А, может, дело было не только в кофе. Танькин оптимизм и жизнелюбие на какое-то время, будто передавались ей, и начинало казаться, что жизнь не так уж беспросветна, и где-то совсем рядом ждёт что-то хорошее и доброе. Однако это состояние проходило вместе с окончанием «кофепития»...

А утром она привыкла лежать, глядя на постепенно прорисовывающийся в рассветных сумерках Костин профиль, и думать, что же произошло между ними такого кардинального, вдруг превратившего её из Машеньки или Машутки в безликую «киску»? Эту задачу она не могла решить уже много дней.

Вздыхнув, Маша вернулась к не докрашенному глазу...

*

Жёлтые сухие листья, плотным ковром укрывшие асфальт, приятно шуршали под ногами. Солнце, выползшее на ярко-голубое небо, казалось по-летнему жарким, и люди, поддавшись обману, спешили навстречу такие не осенние – в лёгких пёстрых одеждах и черных очках. ...*Летний синдром*, — подумал Костя, останавливаясь около своего «Опеля», стоявшего под большим корявым деревом. Несмотря на наличие гаража, он часто бросал машину возле дома, бу-

дучи уверен, что с ней ничего не случится. Кому в наше время нужна пятилетняя «Аскона», когда вокруг бегают столько новеньких иномарок и «Лад», неотличимых друг от друга, а потому, словно предназначенных для угона.

Легким движением Костя смахнул с лобового стекла нападавшие за ночь листья и уселся за руль. Мотор заурчал; Костя положил руки на баранку, и откинувшись на сиденье, закрыл глаза. Каждое утро он задавал себе один и тот же вопрос – хочется ему ехать на работу или нет, но так и не мог найти однозначного ответа. С одной стороны, он являлся хозяином фирмы, поэтому психологический климат не мог угнетать его – он сам ежедневно создавал его в зависимости от настроения. К тому же, фирма приносила доход, позволявший чувствовать себя вполне обеспеченным человеком, что немаловажно для поддержания чувства собственной значимости, а, следовательно, и желания работать дальше. Но, с другой, он настолько хорошо представлял все события грядущего дня, что работа становилась не только скучной, но даже в некоторой степени, утомляла.

Можно было, конечно, никуда не ходить, а просто позвонить в офис и сообщить, что сегодня он не появится, никому ничего не объясняя. Никто ж не будет задавать «хозяину» лишних вопросов, но чему, в таком случае, посвятить день?..

...Машка б, точно, придумала занятие, – Костя даже знал, какое, потому что кран на кухне капал уже вторую неделю, – это плёвое дело – кран!.. Пятнадцать минут ра-

боты... только, вот, я постоянно забываю купить прокладку. Сам не пойму, чем занята моя голова?..

Он открыл глаза и решил, что пора ехать. Машина осторожно, вроде, переступая колёсами, перевалилась через бордюр и зашуршала вдоль дома навстречу своим собратьям, весело пронесившимся по улице.

...Нет, дома сидеть не лучший вариант, – Костя вернулся к своим мыслям, – дома мне по уши хватает вечеров... Интересно, о чём мы разговаривали с Машкой раньше? Я ведь помню, как мы могли часами просиживать на диване, а, вот, о чём говорили, убей – не помню. Странно все-таки устроена человеческая память – ведь существовало нечто общее, не дававшее нам устать друг от друга... даже телевизор включали не каждый день!.. И что ж изменилось? Внешне – ничего. Мы те же; работа у нас та же, с теми же проблемами; мы живём в том же городе и в той же квартире... Может, мы уже обсудили все, что возможно, а ничего нового не происходит?.. Получается замкнутый круг из быта, работы и телевизора... а так хочется вырваться из него!.. Вот, с другими девками интереснее. Пусть они, и глупее, и чаще всего «страшнее» Машки, но они несут нечто новое – как глоток воздуха. А с Машкой даже спать неинтересно – я все про неё знаю. Ужасно, когда у человека только начинает свербеть в носу, а ты ему уже – будь здоров!..

Костя с трудом отыскал место для парковки, и втиснулся между двумя «Ладами».

...Все хреново живём, блин!.. – он оглядел стадо машин, замершее в беспорядке, перед «свечкой» бывшего управления сельского хозяйства, упразднённого в самом начале перестройки, и давно розданного в аренду коммерческим структурам.

Костина фирма занимала часть подвала и три небольшие комнатки на одном из верхних этажей. В самой дальней находился его кабинет. Чтоб попасть туда, требовалось пройти через комнату, где сидели менеджеры – Лена и Юлия. Сквозь тонкую дверь он мог слышать все их жуткие женские секреты, и беззастенчиво пользовался этим. Например, он узнал, что Лена – мать-одиночка, и держится за работу всеми своими ровными белыми зубками и длинными ядовито-зелёными ногтями. К тому же ей нравятся раскрепощённые мужчины при деньгах, и в постели она умеет творить чудеса. Этих сведений оказалось достаточно, чтоб Лена стала задерживаться после работы для «подведения итогов дня» на небольшом диванчике, стоявшем в углу кабинета. Впрочем, подслушанная информация, скорее всего, дала лишь толчок к ускорению событий – Костя давно «положил глаз» на симпатичную девушку из соседнего офиса и переманил к себе, установив зарплату на тысячу рублей выше прежней.

С Юлей ему тоже случилось переспать, но лишь один раз, в канун прошлого Нового года.

Перед каждым праздником Костя устраивал за счёт фирмы банкет, на который приглашались все сотрудники, вклю-

чая «рабов» из подвала, которые, собственно, и обеспечивали общее благосостояние. В этот самый подвал и переместилось празднество, потому что двадцать пять человек не могли усесться в тесном офисе, а между ярко-зелёным автоматом, изготавливавшим пакеты из полиэтилена, и стареньким флексографом, наносившим на них рисунок, все выглядело достаточно уютно, почти по-домашнему. Тем более, через подвал проходили толстенные трубы центрального отопления, и какая бы температура не стояла на верхних этажах, здесь всегда было жарко. Возможно, жара и подвела Юлю – всегда до противности правильную, её «развезло» настолько, что она пыталась устроить стриптиз, спутав колонну с шестом, а потом повисла на одном из флексографистов и разрыдалась. Она и не думала сопротивляться, когда Костя увёл её в бытовку, где обычно переодевались рабочие, и стоял старый, доставшийся в наследство от «сельхозников», диван. На нем все и произошло. Костя сам не знал, зачем это сделал – скорее всего, из какого-то глупого азарта. Вытерев слезы, Юля пьяно улыбалась и потом заснула, а он, укрыв её чьим-то халатом, вернулся к коллективу.

Об этом случае давно забыли даже те, кто смог тогда обратить внимание на их долгое отсутствие – помнила лишь сама Юля. С тех пор на Костю она смотрела испуганно, словно боясь, что при любом неверном слове или поступке он обязательно сообщит мужу о её «развратной сущности». Костю раздражал этот затравленный, убитый взгляд, но ниче-

го изменить он уже не мог – уволить её, значило полностью развалить сбыт, потому что работа держалась исключительно на ней, а в Ленины функции, в основном, входили «отчёты» на диване. Пытаться поговорить по душам, Костя не решился – зная Юлин характер, он вполне обоснованно полагал, что, приняв разговор за намёк, она могла просто написать заявление по собственному желанию.

В отдельной комнате, связанной с остальными общим тамбуром, обитала «бабуля». По крайней мере, так называли её все, хотя в действительности она являлась бухгалтером фирмы. Причём, очень хорошим бухгалтером, ещё советской заправки, у которой в проводках не потеряется ни одна копейка, а каждый новый налоговый документ будет тщательно изучен, и его возможные последствия незамедлительно доложены руководству. Костя очень ценил ее, но общаться старался только по мере необходимости. При своих сорока семи годах выглядела она далеко за полтинник, и ему не доставляло эстетического удовольствия созерцать дряблую кожу и потухшие глаза за толстыми линзами очков.

Костя посмотрел на часы. ...*И что?.. Начальство не опаздывает – начальство задерживается...*

– Привет, – распахнув дверь, он махнул Юле, как всегда уткнувшейся в монитор, – все у нас в порядке?

– Да, – она вскинула голову и замерла. Это выглядело настолько претенциозно, что Костя решил – ...*больше, чем «да», ей пошло бы «так точно, сэр!»...*

– И чего ты перепугалась? – Костя улыбнулся, – я разве сказал что-то страшное?

– Нет, – ни один мускул не дрогнул на её настороженном лице, – вот, если хотите, справка за вчерашний день...

– Не хочу. А где эта «стрекоза»? – Костя указал на пустующий Ленин стул.

– Звонила, что задержится. У неё ребёнок приболел.

– Ясно, – Костя прошёл в кабинет и закрыл за собой дверь. Подойдя к столу, мельком взглянул на письмо, которое вчера начал писать одному из заказчиков – им, видите ли, не понравилось качество печати!... *...А чего они хотят, если прислали своё дерьмовое клише, и краску заказали самую дешёвую?.. Таких надо раз и навсегда ставить на место!..* – правда, текст письма ещё не сложился в голове, поэтому Костя отошёл к окну и задумчиво уставился на блестящие в солнечных лучах разноцветные крыши машин; на людей, тесной стайкой переходящих улицу. С высоты все они казались игрушечными, и Косте нравился этот ракурс – *...можно взять любого, посадить себе на ладонь и... а лучше катнуть одним пальцем какой-нибудь крутой джип, и пусть эти лилипуты догоняют его...* Взгляд сместился дальше, к зданию больницы, проглядывавшему бурой крышей среди золота листвы. Дворник в оранжевом жилете мел дорожку, нарушая лирический настрой. *...В лесу сейчас здорово, небось!..* Костя попытался представить картинку, но перед мысленным взором почему-то возник телевизионный экран, на котором львица

гналась по саванне за стадом антилоп. Стало грустно, оттого, что он забыл, как выглядит настоящий лес, и вся жизнь заключена в «ящике».

Вернувшись к столу, Костя уселся в кресло. ...*Так... Уважаемый Пётр Борисович... Какой, на хрен, «уважаемый»? Козел он...* Отложил ручку и вновь уставился в окно.

– Можно? – в дверь просунулась голова Лены.

– Заходи-заходи; сейчас мы дадим тебе тумачков... – Костя неизвестно к чему вспомнил Киплинга и подумал, насколько это интереснее, чем письмо какому-то придурку, владевшему пельменным цехом.

– За что? – Лена остановилась, обиженно надув губки. При этом было заметно, с каким трудом она сдерживает улыбку.

– Ты почему приходишь позже шефа?

– Константин Андреевич, я ж предупредила. Мне Ксюшку надо было врачу показать. Горло у неё всё красное.

– Значит, вечером задержишься, – Костя хитро прищурился.

– Ага, – девушка кивнула, отчего волосы упали на лицо, сразу сделав её облик неофициальным.

– А теперь иди и трудись на благо родины, – Костя развернул менеджера по продажам к двери и звонко шлёпнул по обтянутому мини-юбкой задку.

– Константин Андреевич!.. Больно ведь...

– А кто ещё тебя воспитывать будет? – Костя засмеялся,

а Лена, нарушая все правила корпоративной этики, показала шефу язычок и вышла, демонстративно играя бёдрами.

...Вот, вертихвостка, — Костя в ответ покачал головой, — немудрено, что от неё муж сбежал... Нет! Жена должна быть, как Машка, а таких девочек надо иметь на стороне... — он снова опустил взгляд к столу, — так, блин, уважаемый Александр Борисович... пропади ты пропадом со своими пельменями...

*

За десять минут до начала рабочего дня Маша вошла в торговый зал. Своими размерами он явно не соответствовал громкому названию «Супермаркет», которое значилось на вывеске. В сорокаметровой комнате вдоль стены стояли стеклянные витрины с банками краски, похожими на ведра, и пакетами, пестрящими иностранными буквами (Маша долго учила, в каких из них находятся шпатлёвки, в каких клеи, а в каких сухие смеси); с отдельной стены свешивались разноцветные языки обоев; рядом пестрели квадратики плитки и ещё много всяких красивых импортных штучек, а в дальнем углу, над блестящей коричневой стойкой, к которой совершенно не подходило слово «прилавок», возвышались Машин компьютер и кассовый аппарат, за которым уже сидела Таня и так старательно выводила контур губ, будто это произведение живописи претендовало на место в Лувре.

– Там очереди нет? – спросила она вместо приветствия.

– Нет, а что? У нас появился дефицит?

– С чувством юмора у тебя проблемы в последнее время, – Таня вздохнула, – какой дефицит? Просто я дома накраситься не успела, а надо закончить, чтоб народ не пугать. Вчера с Володькой в кабаке зависли, потом поехали ко мне, и всю ночь... – Таня сладко потянулась, сцепив руки над головой.

– Это пройдёт, – Маша скептически махнула рукой. Она ничуть не завидовала, потому что когда они начинали встречаться с Костей, все происходило по тому же сценарию – рестораны, театры, вечеринки, где ей старательно внушалось, что она самая лучшая и самая красивая; подарки, появляющиеся, когда она уже успевала забыть, что давным-давно обмолвилась о своих желаниях – все было... Маша поправила волосы и прошла за стойку.

– Машка, не порть мне настроение. Если у тебя в семье проблемы, это не значит, что они должны быть у всех.

– Наверное...

Хотя магазин и располагался, вроде, в центральной части города, но оказался слишком удалён от основных транспортных магистралей, поэтому случайные посетители забредали сюда редко – в основном, приезжали специально на больших машинах, чтоб закупить материалы оптом для всего ремонта. Поэтому иногда выпадали дни, когда они с Таней всю смену вынуждены были болтать о жизни и разгадывать кроссворды, в ожидании пары клиентов, за раз делавших дневную выручку. Такое тесное общение невольно привело к тому,

что не являясь подругами в жизни, они знали друг о друге практически все, от меню вчерашнего ужина до подробностей интимной жизни.

Сегодняшнее утро началось, можно сказать, бойко. Приехал какой-то «новый русский», ничего не понимающий в строительстве, но снабжённый длиннющим и подробнейшим списком. Чтоб обслужить его, по ходу подбирая замены и объясняя, почему предлагаемое ничуть не хуже, записанного у него, потребовалось не менее часа. Когда он, наконец, отправился на склад, загружать «Газель», Маша устало усе-лась в чёрное крутящееся кресло и тупо впери-лась в экран монитора, по которому плавала стайка пёстрых рыбок. Мысли непроизвольно вернулись в прежнее, утреннее русло – она вздохнула, в очередной раз пытаясь понять, какая кошка пробежала между ней и Костей.

Таня, подперев голову рукой, смотрела на неё долго и внимательно, потом не выдержала. Она, вообще, не умела по-долгу молчать.

– Маш, слушай, а, может, у него другая баба завелась? Ты ничего не замечала? Может, он стал приходить поздно или духами от него воняет?

– Ну да, – Маша усмехнулась, – и все рубашки в помаде... Тань, меня в данном случае не столько интересует, есть ли у него любовница, сколько то, как мне самой жить дальше. Понимаешь, мы с каждым днём становимся все более чужими. Я чувствую себя бесплатным приложением к плите

и стиральной машине.

– Так разведись. Я, знаешь, когда с Сашкой развелась, прям, на крыльях себя почувствовала. А теперь, вот, Вовку встретила. Жизнь сама подсказывает решения... если их искать, конечно.

– Я не хочу с ним разводиться. Я люблю его. Да и уходить мне некуда, сама знаешь.

– Куда уходить, мы найдём. А, вот, если любишь, дело, конечно, хуже. Значит, надо выяснить, что с ним происходит, но готова спорить, дело в другой бабе. Надо вычислить и разобраться с ней.

– «Разобраться» – это как? – от Таниных наивных, но искренних попыток помочь, на душе стало легче; Маша даже рассмеялась, – Танька, фантазия у тебя, блин, безграничная, но надо ж реально смотреть на вещи...

– Я и смотрю реально.

– ... а реальность заключается в том, – продолжала Маша, не дав себя перебить, – что я стала ему неинтересна. Он не обижает меня, не устраивает демаршей, не провоцирует разрыв – я просто медленно и уверенно превращаюсь в мебель. У меня деревенеют ноги, и руки принимают вид подлокотников... – ей самой так понравился образ, что она замолчала, отчётливо представляя процесс собственного перевоплощения.

– Тяжёлый случай...

– Привет, девчонки! – на пороге появился бородач

в джинсовой рубашке, – «Тиккурилла» есть?

– Есть, – Маша со вздохом поднялась и направилась к застеклённому стенду.

*

Костя наконец осилил написание письма; перечитал его и остался доволен. Для себя он сформулировал его смысл следующим образом – вы все козлы, а мы, в белом фраке; и не лезьте к нам со своими идиотскими претензиями.

Посмотрел на часы – время незаметно близилось к обеду.

Он не позволял себе брать из дома всякие бутерброды, как делали остальные сотрудники – ему почему-то казалось, что, если директор питается бутербродами, стыдливо закрываясь в кабинете, это говорит о полном упадке фирмы, поэтому он всегда ходил обедать в кафе, расположенное на другой стороне улицы. Это выглядело совсем по западному и, кстати, оказалось гораздо дешевле, чем он предполагал изначально. Его уже знали все официантки и всегда накрывали его любимый столик у окна, выходявшего на улицу – он любил с некоторым пренебрежением взирать на людей, жующих на ходу гамбургеры, понимая, что они не могут позволить себе ежедневно обедать в этом уютном полутёмном зале.

– Вы на обед? – Лена уже стояла с чайником посреди комнаты, когда Костя показался из кабинета.

– Да, пора.

– А мы, вот, чайку. Не хотите?

– Кесарю кесарево, – Костя развёл руками и пошёл дальше, но игривый Ленин голос продолжал звенеть в ушах. Он подумал, каким бы ветреным и беспутным не являлось это существо, с ней гораздо веселее и приятнее, чем дома. По всем параметрам, включая внешность, ей, конечно, далеко до Машки, но как обрыдли разговоры про краски и обои, текущий кран и, вообще, вся рутинная бытовуха!.. Он представил конец рабочего дня, когда, по сложившемуся ритуалу, сначала в кабинет заглянет «бабуля», чтоб попрощаться; потом войдёт Юля, строгая и напряжённая – потупив глаза, она спросит, можно ли ей идти домой. Он, конечно, великодушно разрешит и добавит при этом, будто невзначай: – А Лена пусть останется. Нам ещё надо поработать. (На кого была рассчитана эта глупая конспирация, неизвестно, ведь все давно обо всем знали – зато так получалось гораздо интереснее).

Костя вошёл в кафе и направился к своему столику. Меню ему уже давно не приносили, потому что он знал его наизусть, и поравнявшись с официанткой, небрежно бросил:

- Как обычно. Если, конечно, у вас ничего не изменилось.
- У нас меняется только вечером, а днём все по стандарту, – девушка улыбнулась.
- Зайдём как-нибудь и вечером.
- Приходите. У нас хорошо. Живая музыка с девяти.
- Ладно, – Костя подумал, что надо будет в следующий раз (не сегодня, конечно) зайти сюда с Леной, а то «вечерние от-

чёты» тоже начали терять свою остроту и привлекательность.

...В конце концов, устрою девочке праздник и посмотрю, как она будет вести себя дальше, – усевшись за столик, Костя по привычке повернулся к окну, – конечно, не Монмартр, но все равно приятно ощущать себя благополучным буржуа, не обеспокоенным завтрашним днём, имеющим небольшую, но собственную фирму, верную жену и молодую любовницу...

Ел он медленно, словно любуясь собой, и допив последний глоток кофе, очень пожалел, что обед уже закончился – возвращаться в офис не хотелось, тем более, надо было ещё спуститься в подвал, чтоб обсудить с технологами новые заявки. *...Блин, сможем ли мы, вообще, изготовить клише с этим долбаным пингвином, жрущим эскимо?.. Да и плёнка, наверное, заканчивается... Технари разве сами напомним о себе? Шлёпают, да шлёпают, пока что-нибудь не кончится...*

*

– Маш, закрывай на обед. Я кофе ставлю, – Таня поднялась из-за кассы.

– За булочками сходить?

– Ну, естественно.

Распределение обязанностей произошло между ними уже давно – с того самого момента, когда Таня впервые заварила свой фирменный кофе. За него Маше совершенно не труд-

но было дойти до угла, где стоял ларек с ароматной сдобой. Непонятно, кому пришло в голову, поставить его в этом захолустье, но девушек это вполне устраивало.

Когда Маша вернулась, Таня, еще колдовавшая над чашками, подняла голову и сказала, будто мимоходом:

– Я все придумала.

– Что придумала? – не поняла Маша.

– Что-что... как решить твои проблемы. Надо тебе тоже найти мужика!

– Зачем?

– Как зачем? Чтоб ты перестала обращать внимание на то, что твой Костик сказал, как посмотрел на тебя... или не посмотрел. Пока он, один-единственный, мельтешит перед глазами, ты и ждёшь от него чего-то – тебе больше ждать неоткуда. У нас с Сашкой тоже так было, а как завела любовника, мигом перестала на все реагировать. Знаешь, как классно! Сразу все по барабану...

– А закончилось тем, что вы разбежались, – Маша протянула напарнице воздушную, ещё тёплую булку, и придвинула к себе чашку, – я так не хочу. Я не хочу с ним разводиться. Я хочу, чтоб он любил меня, как раньше.

– Ну, Машка, – Таня сделала маленький глоток, – а, может, ты его любишь, потому что других не видела? Знаешь, сколько их, классных, без толку пропадает?

Маша молчала, наслаждаясь напитком, и думала, что «мужик», скорее всего, не поможет, даже «классный». Если б все

было так просто! А то выход из аналогичных ситуаций ищет, наверное, половина семей, но никто не смог придумать ничего, кроме развода – только это ж не решение вопроса.

– Нет, мужик тебе нужен, – настойчиво повторила Таня.

– Да не хочу я мужика! Я и представить-то не могу, как лягу с ним в постель!

– Без мужика не обойтись, – Таня, будто разговаривала сама с собой, не слыша никаких возражений, – Машка!.. – её лицо озарилось улыбкой, – я даже знаю, кто тебе нужен! Мы такое организуем!.. Все будет суперкласс!

Маша безнадежно вздохнула. Спорить было бесполезно, и она решила, что от знакомства с таинственным «мужиком» ей не отвертеться. Но не приведёт же Танька какого-нибудь маньяка-насильника? Конечно, нет. А, значит, ему можно будет просто объяснить ситуацию, и то, что рассчитывать ему, в принципе, не на что. Ну, придётся извиниться, конечно; может, даже посидеть с ним где-нибудь...

*

Домой Костя попал в девять, когда рабочий день давно закончился – из-за жалюзи в кабинете он даже не заметил, как стемнело, да и Ленка увлекла его своим азартом, возвращая ощущение бесшабашной молодости. С ней он снова чувствовал себя студентом, как когда-то запирающимся с однокурсницей в темной аудитории. Славное было время – вся жизнь ещё впереди, а то сейчас...

Костя открыл дверь и почувствовал запах котлет. С каким бы удовольствием он променял их на паршивую банку консервов в общаге, куда можно являться в любое время дня и ночи; не переобуываясь и не боясь при этом, принести песок в квартиру...

– Добрый вечер, – Маша вышла из кухни, – что ж ты не позвонил, что задержишься? Я с ужином спешила, а тебя все нет.

На какое-то мгновение Косте сделалось стыдно, но что он мог ответить? Что она ему надоела, и не её собачье дело, где он проводит время? Нет, так он тоже не хотел, потому что жена у него может быть только эта, и никакая другая.

– Замотался совсем, – он вздохнул, – в подвале с технарями торчал – новые заказы обсуждали, а окон там нет, сама знаешь.

– Откуда ж я знаю? Я у тебя на работе не была ни разу.

– Ну, сама посуди, какие в подвале окна? – а сам подумал: *...И хорошо, что не была! Неизвестно, какой фортель Ленка б могла выкинуть в её присутствии; и ещё эта пришибленная Юля начнёт каяться – от неё тоже всего ожидать можно...*

– Садись, я уже кладу, – Маша вернулась на кухню, пока Костя переодевался и мыл руки.

– А ты? – спросил он, видя на столе всего одну тарелку.

– Я уже. Я ж не знала, когда ты появишься.

...Машка, чудо ты моё, – подумал Костя растроганно, –

и где ещё я найду такую жену? Другая б давно начала бить посуду и орать дурным голосом... Маша же продолжала лишь смотреть так печально, что Костя не донёс кусок до рта.

– Что с тобой? – спросил он тревожно.

– Ничего.

– Но я же вижу, что ты какая-то не такая.

– Честное слово, ничего. Ты ешь.

Костя вздохнул. В конце концов, если она не хотела делиться своими проблемами, то ему же проще – главное, она дома; все приготовлено и постирано. ...*Небось, просто устала...* Он стал жевать, стараясь не встречаться с женой взглядом.

После ужина они молча прошли в комнату и включили телевизор. Оказалось, что начинавшийся фильм они давно смотрели на кассете, и, тем не менее, уселись каждый в своё кресло, тупо вперившись в экран. Тишина нарушалась лишь стрельбой и воем полицейских сирен. ...*Ну, что ж я буду ей рассказывать, как полдня писал письмо по браку, а после работы трахался со своим менеджером?..* Костины мысли вновь вернулись к Лене. ...*А чем бы мы занимались, окажись она на месте Машики?.. Наверное, её б угнетало молчание – она б щебетала, пересказывая свои глупые мыслишки, и это раздражало б ещё больше... Нет, всё стоит на своих местах – делу время, а потехе час...*

– Мне завтра вставать рано, – сказала Маша, – Илья про-

сил принять товар так, чтоб не закрывать магазин.

– Это правильно, – Костя равнодушно кивнул.

– Давай спать, а то мне в шесть уже из дома надо выйти.

– Давай, – Костя поднялся и первым направился в душ.

Маша ещё стирала косметику за кухонным столом, когда он залез под одеяло; повернувшись на бок, закрыл глаза и на сером размытом фоне возникла весело торчавшая Ленкина грудь с розовыми сосками. Видение хоть и не привносило ничего необычного, но мешало спать, поэтому он чувствовал, как Маша устраивается рядом, касаясь его мягкой тканью ночной сорочки. В последнее время она почему-то спала, исключительно, в ней, и Костя уже отвык чувствовать её живое тело. Хотя это его не очень-то и волновало.

– Спокойной ночи, – прошептала Маша.

Костя не ответил, сделав вид, что спит.

*

Было ещё темно, когда прозвенел будильник. Сквозь сон Костя чувствовал, как Маша вылезла из постели. Зажурчала вода; на кухне звякнула чашка. Он натянул одеяло на голову, чтоб не слышать всего этого, и проснулся ровно в восемь.

Наступившее утро ничем не отличалось от предыдущего, если не считать того, что завтрак, ждавший на столе, состоял не из горячих сосисок, а из сухих бутербродов. Впрочем, Косте было безразлично – главное, чтоб на тарелке находилась еда, которую можно быстро проглотить, крикнуть

из двери «пока» (сегодня и кричать-то было некому) и исчезнуть до вечера.

...Сегодня не буду трахать Ленку, – подумал он, уже выйдя на улицу, – сегодня мы пойдём в кафе слушать «живую» музыку. Надо только решить вопрос с машиной, а то, сидеть и не выпивать, как-то не в кайф. Хотя можно бросить её на стоянке возле офиса – заодно и для Машики нормальная отмастка – машина не завелась. Типа, провозился, а потом плюнул и поехал на маршрутке... Да, классно будет!..

Оттого, что все складывалось так удачно, настроение сразу поднялось, и на этом мажорном настрое Костя успел с утра отработать с производственниками программу следующей недели, конфиденциально пообщаться с «бабулей» на предмет последних изменений в налоговом кодексе, похвалить Юлю и даже погладить её по голове (при этом девушка напряглась, словно Костя уже расстёгивал ей платье). Потом он вызвал в кабинет Лену; не дав сказать ни слова, поцеловал в засос, сжимая рукой грудь, и после этого, как вчера, шлепком выпроводил из кабинета.

– Если будешь постоянно лупить меня, то стану носить бабские рейтузы, и любуйся на них, – заметила она, – небось, жену свою не бьёшь по заднице.

– А её не за что. Она у меня ангел, – Костя весело подмигнул, – она не занимается любовью со своим шефом.

– Все мы ангелы до поры, до времени. Ты ещё не понял этого в свои тридцать лет? Будто я сама на тебя запрыгнула, –

Лена обиженно дёрнула плечиком и вышла.

Косте стало смешно. Он попытался представить голую Машку с раздвинутыми ногами на офисном диванчике, а рядом Илью – огромного, толстого хозяина магазина. ...*Нет, такое могло прийти только в Ленкину дурную головку, и за это её стоит наказать...* – он задумался, – *может, не вести её в кафе, а пусть все будет, как всегда, только в какой-нибудь новой позе?.. А в какой мы ещё не пробовали?..* Вопрос требовал размышлений, но за дверью звякнули чашки, и взглянув на часы, Костя с удивлением обнаружил, что наступило время обеда. ...*Как быстро сегодня проходит день!..* Он открыл дверь, когда Юля разговаривала по телефону.

– Да, здесь... уже идёт на обед... хорошо, перезвоните...

– Меня что ли? – спросил Костя.

– Вас. Сначала хотели поговорить, но передумали. Сказали, что позвонят после обеда.

– Голос мужской или женский?

– Я не поняла. Какой-то механический, вроде, как робот... – она смело подняла на Костю взгляд – наверное, впервые с того злосчастливого Нового года; взгляд, в котором не чувствовалось, ни робости, ни покорности. Это было так неожиданно, что Костя не нашёлся, как среагировать.

– Пусть звонят после двух, – он махнул рукой, а уже спустившись вниз и вдохнув тёплый пряный воздух, подумал: ...*Наконец-то, дуручка, поняла, что жизнь не заканчивает-*

ся из-за такой ерунды. Глядишь, через недельку и заулыбаются...

Костя уселся за свой любимый столик и как всегда в ожидании официантки с подносом, повернулся к окну, подперев рукой подбородок. Прямо перед ним, въехав на тротуар, стоял роскошный тёмно-зелёный «Ягуар», блестя хромированной отделкой, и люди, обходя его, вынуждены были жаться к стене дома. ...*Козел, места ему мало... нацарапать бы на нем какое-нибудь матерное слово...* Тем не менее, он невольно залюбовался машиной, излучавшей холодную завораживающую мощь.

Водитель отсутствовал, зато на переднем сиденье полулежала девушка, склонив на бок голову. Лишь долю секунды Костин мозг, словно компьютер, вычислял, что же его так привлекло в этой неподвижной фигуре, и вдруг все как-то удивительно сложилось в знакомый портрет – цвет волос, чуть вздёрнутый носик, серый костюм... Костя даже привстал от удивления. Сходство казалось настолько поразительным, что он, уронив вазочку с искусственными цветами, вылетел из кафе, едва не сбив официантку, но неизвестно откуда появившийся водитель уже открывал дверцу «Ягуара».

Расталкивая прохожих, Костя кинулся вперёд и успел увидеть серёжку в ухе девушки – таких серёжек не могло быть больше ни у кого!.. Их делали специально к их с Машей свадьбе по его собственному эскизу.

«Ягуар» соскочил с тротуара и мгновенно ушёл в левый ряд. Костя бессильно смотрел вслед, пока блестящая перламутром крыша не скрылась из виду. ...*Этого не может быть, потому что не может быть никогда! Это же Маши-ка!!..* Он растерянно огляделся, словно неожиданно попал в чужой незнакомый мир – увидел спешащих и толкающих его людей, удивлённо застывшую официантку... А в это время какой-то урод, которого он даже толком не успел разглядеть, увозил его жену в неизвестном направлении!

Костя бросился к стоянке, но услышал голос:

– Молодой человек, вы за вазочку платить будете?

Остановился, не глядя сунул официантке деньги.

– Я сейчас сдачу принесу.

– Какая, на фиг, сдача?!.. – лавируя в потоке машин, он перебежал на другую сторону, на ходу доставая ключи; плюхнулся на сиденье «Опеля». ...*И что дальше?.. Где и как я могу перехватить их?.. А вдруг её похитили?!.. Опоили чем-нибудь и похитили – не зря же она лежала без движения и такая бледная. Блин, теперь начнут требовать выкуп... Ладно, выкуп – как она могла, вообще, оказаться в этой роскошной «тачке», если должна быть в магазине?!.. Конечно, вот там-то, все и разрешится...* Он резко вырулил со стоянки.

Расстояние до Машиного магазина казалось совсем небольшим, но два светофора отнимали кучу драгоценного времени. Костя нервно посмотрел на часы. Прошло це-

лых пятнадцать минут, как стартовал похититель – на своём «Ягуаре» за это время он вполне мог оказаться даже за городом, а там... Картинка, изображавшая голую Машку с раздвинутыми ногами уже не показалась ему такой уж смешной.

Костя бросил машину у самых дверей под знаком «Стоянка запрещена» и вбежал в торговый зал. Машина напарница, которую Костя знал в лицо по фирменным «застольным» фотографиям, наводила кофе в двух чашках.

– У нас перерыв, разве вы не видите? – спросила она, не отрываясь от своего занятия.

– Где... – Костя с трудом перевёл дыхание, – моя жена?..

– А кто ваша жена? – Таня подняла удивлённый взгляд.

– Маша! Которая, вот тут работает! – он постучал пальцем по прилавку, – где она?!

– Извините, – Таня смотрела на него широко раскрытыми глазами, – вы, вообще, нормальный? У нас перерыв. Она пошла за булочками.

– Какие, на хрен, булочки?! Она сейчас несётся в зелёном «Ягуаре» неизвестно куда, черт знает с кем!!

– Да? Вы так думаете?.. Это очень похоже на паранойю, – произнесла она назидательно, – а, вообще-то, зелёный «Ягуар» – это круто... Я б тоже покаталась, – она вышла из-за прилавка и подошла к окну, – вон, она идёт, смотрите. Между прочим, пешком – без всякого «Ягуара», – глаза её весело прищурились.

Костя мгновенно очутился у окна и остолбенел – через

дорогу, не спеша двигалась его жена в сером костюме – том самом, который он видел на девушке в «Ягуаре». Маша улыбалась каким-то своим мыслям, покачивая прозрачным пакетом с булочками.

– Ну, что? Убедились? – Таня ехидно засмеялась, и вдруг задумчиво добавила, – а, вообще-то, я б хотела, чтоб меня также ревновали. Это ж любовь, да?.. А она, дурочка, жалуется, то вы стали к ней прохладнее относиться...

Костя перевёл на неё непонимающий взгляд – кто кому жалуется?.. Причём тут «любовь», если он сам видел, как тот мужик увозил её неизвестно куда?.. Её же надо спасать!..

– А, вот, и я! – Маша распахнула дверь, – наш кофе готов?.. – увидев Костю, она растерянно замерла; лицо её побледнело, став таким, как только что в машине, и даже слегка вытянулось, – ты?.. Что-то случилось?..

Но Костя только судорожно сглотнул слюну.

– Да говори же! – Машины руки с пакетом бессильно опустились, – что случилось?!

Костя почувствовал себя идиотом. Он вглядывался в знакомые черты, и чем дольше смотрел, тем отчётливее понимал, что в машине сидела тоже она – та же помада (дома он не мог видеть, в какой цвет она красила губы, потому что встал позже); тот же непослушный локон возле уха (иногда она собирала волосы в хвост, но не сейчас)...

– Где твои серьги? – вспомнил он, – те, свадебные!

– Дома. Ты ж знаешь, я не одеваю их на работу. Да что

случилось-то? Нас ограбили?

– Нас не ограбили! Но я сейчас же поеду и проверю!

– Поезжай, – Маша удивлённо пожала плечами, – только объясни – где они должны быть?

– Не знаю! В ушах!

– Логично, – придя в себя, Маша протянула напарнице пакет, – на, Тань, пока тёплые.

Костя грубо схватил её за руку и развернул к себе лицом.

– Скажи, честно! Час назад ты сидела в зелёном «Ягуаре»?

Машин рот приоткрылся и закрылся снова; на её лице возникло такое искреннее удивление, что Костя сам засомневался – не пригрезилось ли ему это.

– Ты совсем?.. – Маша покрутила пальцем у виска, – откуда у меня знакомые с «Ягуарами»?

– Знакомых всегда можно найти, – прошипел Костя, – с твоими-то данными...

– Хватит делать из меня проститутку! – Маша даже повысила голос, чего не делала почти никогда, – Танька, конечно, знает, что я не такая, но все равно, это низко!..

– Костя, идите, пожалуйста, сюда, – Таня достала из-под прилавка стопку бумаг, – вы же знаете подпись вашей жены? Вот, она выписывала накладную. Видите сумму? А, вот, чек. Сумма та же. Здесь пробито время. Двенадцать часов сорок восемь минут. Вы думаете, это я специально для вас чеки била? А потом буду свои деньги в кассу вкладывать, да?

Костя смотрел на лежавшие перед ним бумажки, пыта-

ьясь собрать воедино полученную информацию, но фрагменты не стыковались. Тем не менее, в машине сидела, именно, Машка! Причём, это не было похищением, иначе она б сама все ему рассказала, да ещё настояла на заявлении в милицию – она находилась там добровольно, и глаза прикрыла, отдыхая... после чего? Тут и дураку понятно, после чего!..

– Костя, может, выпьете с нами кофе? – предложила Таня примирительно, – а то у нас скоро перерыв заканчивается.

– Нет, спасибо, – он с ненавистью взглянул на жену. Никогда он не думал, что она станет изменять ему, да ещё делает это так ловко, что и подкопаться не к чему.

– Мне тоже надо на работу, – он направился к двери, но на пороге обернулся, чтоб убедиться, что Маша, как ведьма, тут же не выпорхнет в открытую форточку. Нет, она сидела на своём месте, откусывая булку, и слушала, как Таня что-то шепчет ей на ухо, взглядом показывая в его сторону.

Костя вышел, хлопнув дверью. На работу он не спешил – там не могло произойти ничего серьёзнее того, что творилось с ним сейчас.

В очередной раз сопоставляя факты, умом он понимал, что Маша не могла находиться в машине; к тому же, он достаточно хорошо знал артистические таланты жены – так безукоризненно сыграть роль оскорблённой невинности, ей было явно не под силу. Она никогда не умела, ни лгать, ни скрывать своих эмоций. Но, с другой стороны, нельзя так правдоподобно загримировать человека, если ты не про-

фессионал, которых в городе, раз-два, и обчёлся. Да, и за-
чем?... ..А, может, это машина—призрак, возникшая из ка-
кого-нибудь четвёртого измерения?.. Ведь сейчас даже офици-
альная наука согласилась с существованием иноплане-
тян, потусторонних сил и прочей ересью. Значит, за всем
этим, действительно, что-то кроется. Ясно, что от Маши-
ки я не добьюсь ничего, не отыскав новых улик — может,
она, и правда, ничего не помнит. А улики?.. Только серьги!
Все-таки их не должно быть дома! Конечно, этот сутенёр
на «Ягуаре» домчал её до работы быстрее, чем я притащил-
ся на своей колымаге — тут все продумано. И вот она, па-
нилька-недотрога, со своими булочками топает из ларька...
шлюха чёртова... Но завести домой серёжки ты не могла
успеть. Это ты брякнула, не подумавши... Она же всегда
боялась ходить одна с такими кусками золота в ушах, и на-
девала только в своей компании — на работу она их не наде-
вала ни разу... Значит, это для «Ягуара»!.. Такой, вот, это
для тебя праздник!.. — Костя стиснул баранку в бессильной
злобе, — сучка!.. А сколько времени прикидывалась порядоч-
ной! Потому ей и безразлично, где я пропадаю вечерами —
у неё своё утреннее дерби!.. Она думает, что я поеду на ра-
боту? Фиг там! Я поеду за серёжками, и если их там не ока-
жется, пусть пеняет на себя!.. — Костя завёл двигатель.

Он чувствовал, как рушится один из тех краугольных
камней, на которых держалась его спокойная жизнь. Все
мелкие интрижки и посторонние связи представляли инте-

рес только в одном случае – если дома его ждёт жена, к которой всегда можно вернуться из водоворота событий; а если этого нет, то интрижки перестают быть таковыми, превращаясь в основную жизнь. Костя не хотел такой бессмысленной жизни.

...Но как она посмела поступить со мной так подло?!..

Костя влетел в квартиру и не разуваясь, бросился к чёрной шкапулке, стоявшей на полочке в спальне.

Серёжки лежали на месте, запутавшись в нитке дешёвых бус чешского стекла. Он оторопело взял их, поднёс к глазам, стараясь распознать подделку. Но они не были подделкой и преспокойно лежали дома. Что это могло означать? То, что в машине все-таки находилась не она, а кто-то искусно под неё подделывающийся? Зачем? Или она все-таки могла вернуть серьги на место? *...Нет, не могла. Никак не могла!..*

Костя заметил, что усиленно ищет жене оправдание. Он безумно хотел, чтоб все вернулось на круги своя, чтоб Маша оказалась по-прежнему любящей его, милой и славной девочкой... Но для этого тоже нужны доказательства, как и улики для обвинения.

Если раньше все выглядело, пусть не слишком приятно, но более или менее правдоподобно, то теперь серёжки разрушили всю схему. Что у него осталось, чтоб заполнить образовавшуюся пустоту? *...Стоп! А сам «Ягуар»?..* Его номерной знак стоял перед глазами также чётко, как и Машино лицо в салоне. Однако ГАИ вряд ли предоставляет всем и каждо-

му справки о владельцах таких лимузинов; и тут он вспомнил, как однажды потерял права, и восстановить их вызвался Витя, один из «рабов», работавших на флексографе. Тогда все проблемы разрешились буквально за пару дней.

Костя вернулся в машину. Теперь он не спешил – наоборот, ему требовалось собраться с мыслями и попытаться извлечь из всего этого бреда рациональное зерно... если оно там есть. Но и здесь ему не повезло – по семейным обстоятельствам Витя поменялся сменами с другим флексографистом. ...*И что делать?..* – Костя стоял, как витязь на распутье – сзади его ждала улица и машина, на которой он не знал, куда ехать, а впереди лифт, способный поднять его в офис, – *и что я там буду делать?.. Но что-то делать надо, вечером Машка вернётся домой, и придётся что-то решать!.. А вдруг не вернётся?.. Вдруг, когда все открылось, она в нагляк заночует у Ягуара?..*

Дверь лифта открылась, и Костя механически шагнул внутрь; поднявшись на этаж, он решил, что глупо сразу же спускаться обратно.

– Константин Андреевич, вам звонил тот же голос, – Юлия оторвала взгляд от экрана, едва Костя вошёл в офис.

– И что? – он уже успел забыть о странном звонке, как, впрочем, и обо всем, что происходило до обеда – жизнь его разделилась на две части, не соотносящиеся друг с другом.

– Он смеялся, – сообщила Юлия.

– Как смеялся?..

– Также... типа, из бочки. А потом спросил, не к жене ли вы поехали. Я ответила, что не знаю, и он положил трубку.

– Дьявол... – сдавив виски, Костя прикрыл глаза. Это была какая-то новая цепочка, начинавшаяся ниоткуда и ведущая в никуда. ...*К чёрту все эти голоса и прочую мистику! Мы реальные люди и должны заниматься реальными вещами – например, поисками автомобиля...* – спасибо, Юль. Пусть смеётся дальше, – Костя зашёл в кабинет; он даже не спросил, где Лена – настолько все это стало от него далеко. Нашёл домашний телефон Вити – оказалось, что тот дома занимается ремонтом, а в ГАИ работает его двоюродный брат; конечно, он там не самый главный, но вполне способен войти в их компьютер.

– Завтра утром все решим, Константин Андреевич, – заверил Витя, – просто раньше я вряд ли с братом свяжусь. Вы извините, что я без вас о подмене договорился – кроме Бориса Алексеевича никого не было...

– Да ремонтируйся ты, ради бога!.. – отмахнулся Костя. ...*Одно плохо – информация придёт завтра, а как же сегодня?..*

– Константин Андреевич, – в дверь просунулась голова Лены, – вы меня не искали? А то я в подвал спускалась.

Костя не видел её в подвале, но не стал заострять на этом внимание – что может значить такое маленькое вранье, в сравнении с лавиной лжи, внезапно обрушившейся на него?..

– Иди. Все нормально, – он уставился в окно, пытаюсь связать звенья двух цепочек, шедших параллельно друг другу, и вовсе не имеющих точек соприкосновения.

...Стоп, поменьше эмоций, – Костя остановил себя, – ис-ходим из реалий – из того, что параллельных миров все-таки не существует. Тогда, как ни крути, Машка должна быть всего одна, и все, что я видел, и в машине, и в мага-зине, происходит, именно, с ней. Как же я должен вести се-бя, к примеру, сегодня вечером, пока не нашёл этот чёртов «Ягуар»? С одной стороны, не пойман – не вор, но с дру-гой, я-то знаю... или не знаю? Почти по Шекспиру: «быть или не быть?» Проклятие... А интересно, она уже сообщила Ягуару, что я их засек?.. Они ж должны выработать ка-кой-то план действий... – Костя посмотрел на часы, – дья-вол!.. Машка уже почти три часа без присмотра! Да за это время они могли даже встретиться!.. А могли и не встре-титься, ведь есть же у Ягуара какое-то занятие, кроме, как трахать чужих баб. Логично, если он подъезжает к кон-цу дня. Покупателей уже не много – кому охота по темно-те грузить стройматериалы? Танька может и одна обслу-жить их, а наши «голубки» валят на хату, и после он везёт её домой – все шито-крыто...

Костя пожалел, что из-за собственных поздних приходов ни разу не видел, когда возвращается жена, и какой транс-порт её подвозит. *...Ничего, теперь я буду отвозить тебя на работу, забирать с работы и ещё пару раз в течение дня*

могу нагрязнуть – будешь под колпаком похлеще, чем у Мюллера...

– Девочки, – Костя вышел из кабинета, – я сегодня уеду пораньше, так что сами закройте офис, – он вышел, не обернувшись, но и так представляя, с каким изумлением смотрит ему вслед Лена. «Все мы ангелы только до поры до времени...» вспомнил он её слова; стиснул зубы и не нашёлся, что возразить, даже мысленно.

Чтоб машина не бросалась в глаза, Костя припарковался за кустами, с которых ещё не успели облететь все листочки. Оттуда прекрасно просматривался вход в магазин, часть улицы и стоянка, на которой одиноко маячили «Жигули». Костя удобно устроился в кресле и стал ждать, наблюдая, как солнце медленно скатывается за горизонт, превращая окружающий мир в одно огромное серое нечто. Лишь фары редких автомобилей, не имевших никакого отношения, ни к Ягуару, ни к магазину иногда выхватывали из него золотые пятна на опавших листьях. *...Как же она тут ходит зимой, когда темнеет в четыре?..* – подумал Костя, – *здесь, в случае чего, и на помощь позвать некого – дадут по голове и бросят в каком-нибудь дворе...* На мгновение возникло чувство вины за то, что подобная мысль пришла только сейчас, а не год назад, когда она устраивалась на работу. *...А хотя не ходит она тут одна, а ездит в шикарной «тачке». И уж в этом, точно, виноват не я!..*

К магазину подкатил бордовый «Пассат», из которого вы-

шел крепкий «браток» и уверенно избежал по ступенькам.

...Дорогу знает, значит, не первый раз, – отметил Костя, на всякий случай записав номер «Пассата», – а, может, у них здесь, вообще, бордель? Машка сама рассказывала, что за день иногда бывает по три-четыре покупателя – и чем они занимаются остальное время?.. Танька тоже, сучка ещё та. Вот, они и прикрывают друг друга по очереди... Косте очень захотелось войти и разогнать все это «осиное гнездо», но вдруг это не Машин, а Танькин мужик? Зачем ему лезть в чужие дела? ...Черт, и что можно делать там так долго? Это же магазин, а не вернисаж – пришёл, купил и ушёл, – Костя посмотрел на часы, – почти пятнадцать минут. Да я за это время...

«Браток» появился из дверей с двумя большими вёдрами краски; не спеша поднял заднюю дверь, установил их в салон и заперев его, снова направился в магазин.

...Нет, этот, кажется, нормальный мужик... – Костя облегчённо вздохнул.

«Пассат» уехал. Снова стало тихо и пустынно, а сумерки сгустились настолько, что Костя уже не смог бы различить номер «Пассата». Он видел, как закрыли склад, который располагался в том же здании, но метрах в десяти от основного входа; потом вспыхнула лампочка сигнализации, и три грузчика, усевшись в одинокие «Жигули», уехали.

...Блин!.. Что ж это за работа такая!.. Упёрлась из дома в шесть утра и сейчас ещё сидит, когда рабочий день

давно закончился – что-то здесь не чисто... – Костя вылез из машины и подошёл поближе к двери – в полумраке узнать его было почти невозможно, зато ему все будет, и видно, и слышно.

В конце концов, дверь открылась, выпуская две женские фигуры. Костя замер, но разговор шёл о последнем покупателе, который, оказывается, совсем замучил обеих своими вопросами и придирками – настолько обыденный разговор, что Косте вдруг показалось, будто никакого Ягуара не существовало вовсе, и все это ему приснилось в кошмарном сне, а жизнь продолжается ровно, гладко и нерушимо, как раньше.

– Добрый вечер, – он вышел из тени.

Девушки испуганно остановились, но свет витрины, осветил Костино лицо.

– Ты?! – изумилась Маша, – так же заикой можно сделать.

– Я это... проезжал мимо. Думаю, конец дня – почему б не забрать тебя?

– Раньше тебе это никогда в голову не приходило.

– Ой, как классно! – обрадовалась Таня, – Кость, а меня ты не подбросишь, а то я уже опаздываю? Мне тоже в Северный район, только чуть подальше.

– Конечно, подбросим, – в принципе, присутствие третьего человека было ему даже на руку – можно, не начиная серьёзного разговора, какое-то время спокойно наблюдать за Машиным поведением, ведь хоть что-нибудь должно её

выдать – не каждый день муж застаёт тебя с любовником.

– А что это ты машину в кусты загнал? – удивилась Маша.

– Стоянка была занята, – нашёлся Костя, – фура какая-то...

– Да?.. Странно. К нам, вроде, ничего не привозили.

Костя ни в коем случае не хотел сознаваться, что следил за женой. В его глазах ревность всегда выглядела чувством смешным и нелепым. Никогда он не думал, что сам опустится до него, поэтому мысленно присваивал своим действиям совсем другие названия – он не ревновал, а пытался выяснить правду.

«Опель» вырулил на узкую улочку, которая потом вливалась в широкую и оживлённую; в боковом зеркале почти сразу возникло отражение фар. Яркий поток света распространился значительно ниже привычного уровня. Таня обернулась, глядя в заднее стекло.

– Какая классная «тачка». Кость, а что это?

«Задний» пошёл на обгон; Костя увидел плавные, благородные линии «Ягуара», и его нога автоматически вдавила педаль тормоза.

– Ты что!.. – Маша ткнулась в спинку переднего сиденья.

– Это «Ягуар», – ответил Костя, неизвестно откуда взявшимся, хриплым шёпотом.

– Ух, ты! – Маша прильнула к стеклу, – это на таком я каталась? Танька, я и не против, а ты?

– Точно, круто!..

Костя никак не мог прийти в себя. Все дневные мысли, вроде, отступившие несколько минут назад, вернулись, причём, гораздо более чёткими и неоспоримыми. ...*Все ясно – он приезжал за ней, но не успел. Я просто увёз её первым, и никаких сомнений больше не должно оставаться!* Эта шлюха методично и подло наставляет мне рога, а я её пою, кормлю, одеваю, как, блин, последний лох! Ну, теперь ты покрутишься на свои четыре штуки зарплаты!.. Вдруг он осёкся, сообразив, что у имеющего такую «тачку», денег столько!.. ...*Да он может отправить её хоть на Багамы – короче, куда я сроду не доберусь со своими доходами... Нет, финансовый вопрос лучше не трогать...*

– Так, мы едем или нет? – напомнила Маша.

Костя молча завёл заглухший двигатель. ...*Какая же дрянь!.. Как она искусно маскировалась все время!..* Эта единственная мысль, не приводившая ни к какому решению, тупо билась в Костиной голове, пока они ехали до Северного района, и хотя «Ягуар» давно исчез из вида, в каждой ползущей впереди машине ему мерещились круглые стоповые огни. Девчонки о чём-то шушукались на заднем сиденье, но он даже не прислушивался – ему вполне хватило того, что он наблюдал собственными глазами.

Сначала они завезли Таню; она вышла, махнув обоим рукой, и в салоне воцарилась гнетущая тишина.

– Здорово, что ты забрал нас, – сказала наконец Маша, будто ничего не случилось, – а то, знаешь, как неприятно

до маршрутки по темноте идти. Потом вечно она набита битком...

– А ты, значит, едешь на маршрутке? – усмехнулся Костя.

– Знаешь что, хватит! Пошутили и будет! Перед Танькой меня идиоткой выставил, и продолжаешь издеваться!.. С чего ты наплёл про этот «Ягуар»? У тебя уже глюки, да?

– Разве он не за тобой приезжал?

– Придурок... – Маша откинулась на сиденье и отвернулась.

Машину Костя, как обычно, поставил под тополем. По лестнице они поднимались молча, и в квартиру вошли тоже молча. Маша раздражённо бросила сумочку, сняла туфли и ушла на кухню, а Костя прислонился спиной к двери. ... *Чертовщина какая-то. Не может она играть так искренне! Я прожил с ней шесть лет и знаю! Но что тогда происходит?..* Он чувствовал, что мозг не в состоянии справиться с этим вопросом, и потому голова, будто наливалась свинцом.

– Ты ужинать будешь, Отелло? – раздался Машин голос.

– А выпить у нас есть?

– Лично у меня нет. Посмотри в баре.

Костя прошёл в комнату и открыл бар. Там стояла бутылка коньяку и пол бутылки водки. Он выбрал водку.

– Ну, совсем классно, если ты ещё запьёшь, – Маша повернулась к нему, на минуту оставив без внимания сковородку,

где что-то шипело, пытаюсь вырваться из-под крышки, – ты можешь мне объяснить, откуда ты взял все эти глупости?

Костя поднял взгляд на жену – сказать ничего нового он не мог, поэтому повторил то, что уже говорил днём:

– Я видел тебя в этом долбанном «Ягуаре».

– Так, – Маша села напротив, – допустим, видел. И что?

– Как это что?!.. – Костя не поверил своим ушам.

– А так, – Маша пожала плечами, – в том, что я была на работе, ты убедился, и этот вопрос мы не обсуждаем. Я уже рассуждаю теоретически, чтоб понять, что, вообще, происходит. Вот, давай... допустим, я сидела в какой-то машине...

– Ты не сидела в ней! Ты лежала, такая умиротворённая!..

– Не смей меня, – и, тем не менее, Маша рассмеялась, – я не была умиротворённой уж несколько месяцев, это точно. Ты помнишь, когда спал со мной последний раз?.. (Костя понуро опустил голову) Даже ты не помнишь, – Маша вздохнула, – и потом!.. Я что, лежала там голая?

– Нет.

– А тогда не пойму, в чем проблема! Перемещаясь по городу, мне иногда приходится ловить «тачки», и что?.. Это каким-то образом подрывает мою репутацию или противоречит твоим моральным принципам?.. Вот, ответ членораздельно!..

Костя подумал, что если и дальше продолжать диспут, то Машка убедит его, что вообще ничего не было, и она самый кристальный человек на земле, а он – полный козел.

...Сейчас у меня нет фактов, но завтра они появятся – вот, тогда мы все и обсудим... Он подошёл и наклонился, опершись о стол; их лица оказались совсем близко.

– Скажи честно, ты изменяешь мне? – Костя хотел сказать это грозно и требовательно, а получилось, вроде, он просил не обижать его; подумал, что сейчас она должна рассмеяться, но Маша ответила совершенно спокойно:

– Костик, объясни, откуда такая неуёмная ревность? Я думала, что ты давно уже махнул на меня рукой...

– ...и поэтому пустилась во все тяжкие?

– Дурачок, – Маша ласково погладила его по голове, – я люблю тебя; я хочу спать с тобой, а не просто с женщиной – хоть это ты понимаешь?

Они, не мигая, изучали друг друга. *...А ведь я люблю её, потому что она самая лучшая из всех, – произнести это вслух Косте мешала другая мысль, – ну ужели можно так нагло врать?.. Врезать бы ей сейчас, чтоб улетела под стол!.. А потом ещё – и по морде, и по морде!..* Но проблема заключалась в том, что ему никогда не приходилось бить женщин так, чтоб они «улетали», и Костя совершенно не представлял, сможет ли это сделать. Избегая соблазна, он сказал:

– У тебя что-то горит.

Маша бросилась к плите, на ходу схватив тряпку – невидимая связь, порождённая взглядами, лопнула, но мысль осталась. Больше всего Костя сейчас мечтал, чтоб жена или

любовница хозяина «Ягуара» оказалась, как две капли воды, похожа на Машу – тогда б они собрались все вместе и долго смеялись. ...*Господи, какой бы я закатил банкет по этому поводу!.. В лучшем кабаке!.. И внёс бы Машку на руках, чего не делал даже на свадьбе...*

Они поужинали, а потом возникла пустая пауза, потому что обычно в это время включался телевизор, но сегодня никто почему-то не решился это сделать.

– Идём спать? – предложил Костя и добавил, оправдываясь, – всё равно смотреть нечего.

Маша взглянула на часы – в девять они ещё никогда не ложились, да и спать, в общем-то, не хотелось. ...*А если мы наконец-то не будем спать?.. Может, у него, правда, что-то сдвинулось в мозгах?..* – подумала она и кивнула.

*

Проснулся Костя в пустой постели, а на кухне шумела вода. Заложив руку под голову, он уставился в потолок, пытается понять, изменила ли что-нибудь ночь, половину которой они занимались любовью; причём так, словно она была их, либо первой, либо последней ночью?

Скорее всего, она принесла счастье сбившейся мечты, так хорошо знакомое влюблённым. Костя утратил его через неделю после свадьбы – тогда праздник закончился как-то быстро и незаметно, а тут вдруг возник снова. Откуда он взялся среди грязи, разъединявшей их днём?.. ...*Навер-*

ное, из страха потерять... – Косте неожиданно расхотелось искать «Ягуар» и выяснять что-либо, – *блин, оказывается, есть, и «счастливое неведение», и «ложь во спасение»...* Если сегодня все так классно, то какая мне разница, где она была вчера?.. Он закрыл глаза, уходя в сладкие воспоминания, но тут субстанция, которую он ощущал собой, стала размываться, принимая очертания, принадлежащие явно кому-то другому, а Машка при этом продолжала стонать и изгибаться, не замечая подмены!..

Костя резко открыл глаза; мотнул головой, прогоняя видение. Вчерашняя злость и неприязнь не возвращались, потушенные ночной феерией, однако трезвые рациональные мысли появились вновь, и никакой самообман не мог вытеснить их – сегодня он найдёт владельца «Ягуара» и вытрясет из него правду, ведь от этого зависит вся дальнейшая жизнь!..

На тарелке уже дымились «дежурные» сосиски, рядом стоял бокал с чаем.

– Доброе утро, – Маша улыбнулась.

– Доброе... – Костя попытался ответить тем же, но почувствовал, что улыбка получилась совсем не ласковой.

– Садись, – Маша, видимо, не заметила его интонации, – я пошла краситься, а то опоздаю.

– Не спеши, я подвезу тебя.

– Правда? – Маша поцеловала его, – спасибо. Но все равно...

...Если Ягуар приезжает встречать её после работы, то почему не может заскочить и утром, чтоб узнать, как прошла ночь? – Костя сунул в рот кусок сосиски и понял, что с таким же успехом это мог быть хлеб, солёный огурец или даже кусок дерьма, – интересно, расскажет она ему, как мы трахались сегодня или нет?.. А если прямо сейчас позвонить Вите?.. Хотя пока его брат не придёт на работу, он ничего не выяснит...

Собирались они молча, и ехали тоже молча, не находя себе места между вчерашней ночью и наступившим днём. Словно стараясь уменьшить время этого шаткого равновесия, «зелёная волна» катилась перед ними, расчищая перекрёстки.

Вместе с Машей Костя вышел из машины; понаблюдав, как она открывает двери, выключает затрезвонившую сигнализацию; прогулялся по залу, рассматривая товар, и решил, что задерживаться дольше, будет слишком демонстративно. Попрощавшись, он вышел. Чтоб не вызывать лишних подозрений, пришлось открыть капот, так как мимо пробежала уже опаздывавшая Таня. Склонившись над двигателем, Костя простоял минут десять, но «Ягуар» не появился.

...Когда ж он её забирает, если к обеду она уже такая счастливая балдеет в машине?.. Хотя вчера-то она подорвалась чуть свет... блин, охота пуще неволи, — он усмехнулся, – ничего, сегодня я найду тебя, падла, – захлопнул капот и уселся за руль.

Через двадцать минут он уже поднимался к своему офису.

– Константин Андреевич, – встретила его Юля, – в девять опять звонил тот же голос... ну, который, как из бочки. Я сказала, что вас ещё нет, а он спросил, не жену ли вы повезли на работу; потом повесили трубку.

– А какое ему дело до моей жены?

– Не знаю. Я просто информирую вас о звонках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.